

НЕСТОР ЛЕТОПИСЕЦ

Андрей
Ранчин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Жизнь замечательных людей

Андрей Ранчин

Нестор Летописец

«ВЕБКНИГА»

2022

Ранчин А. М.

Нестор Летописец / А. М. Ранчин — «ВЕБКНИГА»,
2022 — (Жизнь замечательных людей)

ISBN 978-5-235-04737-2

Летописец Нестор – один из героев нашей начальной истории. Имя его слышал, наверное, каждый, но вот о реальной его биографии известно настолько мало, что для большинства он давно уже превратился в полумифическую фигуру. Между тем Нестор – выдающийся писатель Древней Руси. Он автор первых дошедших до нас русских житий – «Чтения о житии и о погублении» первых русских святых, князей Бориса и Глеба, и Жития преподобного Феодосия, игумена Печерского. И автор летописи? Да, несомненно. Но вот какой летописи? Над этим вопросом ученые-текстологи, историки и филологи бьются уже не одно столетие. О «загадке Нестора» и об истории сложения «Повести временных лет», о событиях, свидетелем которых был наш монах-летописец, и рассказывается в книге.

ISBN 978-5-235-04737-2

© Ранчин А. М., 2022

© ВЕБКНИГА, 2022

Содержание

Предисловие	6
Глава первая. Явление героя	11
Конец ознакомительного фрагмента.	34
Комментарии	

Андрей Ранчин

Нестор Летописец

© Ранчин А. М., 2022

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2022

Предисловие

Писать биографию древнерусского книжника Нестора – занятие не просто трудное, а крайне сомнительное и даже едва ли не абсурдное. Причина не в том, что о Несторе почти ничего не известно. В конце концов, сохранились два произведения, несомненно им написанные¹, пусть точное время создания обоих житий вызывает споры, – «Чтение о Борисе и Глебе» и Житие Феодосия Печерского. «Чтение...» – житие князей-братьев, сыновей крестителя Руси Владимира Святого, принявших смерть от руки сводного брата Святополка; Борис и Глеб были первыми среди русских святых удостоены церковного почитания. Житие Феодосия – повествование об одном из основателей Киево-Печерского патерика, Феодосий – первый из русских монахов, причисленных к лику святых (преподобных). Несмотря на обыкновенное для житийной словесности, или агиографии^[1], использование Нестором «общих мест» (поученному – топосов), а в Житии Феодосия – заимствование не только отдельных выражений, но и целых эпизодов из византийских жизнеописаний святых, эти произведения дают некоторое представление и о взглядах автора, и о его личности. Так в живописи портрет говорит нам не только об изображенном, но и о художнике. Особенно если сравнить картину с портретами этого же человека, написанными другими живописцами. А «Чтение о Борисе и Глебе» мы можем сопоставить с другим житием братьев-мучеников – со «Сказанием о Борисе и Глебе», принадлежащим перу неизвестного книжника. Житие Феодосия стоит сравнить с византийскими жизнеописаниями святых (агиобиографиями) – в том числе с теми, которые, бесспорно, знал Нестор и следы которых обнаруживаются в его произведении.

И наконец (и это главное), в Житии Феодосия Нестор кое-что сообщает о себе. Немного, но эти крупинки позволяют реконструировать часть его биографии. Кроме того, книга о Несторе, подобно повествованиям о других известных и незаурядных личностях, судьбы которых почти скрыты от нас, неизбежно должна строиться во многом не столько как рассказ о конкретном человеке, сколько как портрет времени, частью которого был наш герой. Именно таковы многие тома серии «Жизнь замечательных людей»; отчасти так пришлось поступить автору этих строк, когда он писал в этой серии книгу об уже упомянутых Борисе и Глебе: о них известно больше, чем о Несторе, но и их биографии по большей части сплошное белое пятно, а сохраненные источниками сведения часто не являются общепризнанными или противоречат друг другу.

Мало того: мы даже знаем, как древнерусский книжник выглядел: эксперт-криминалист С. А. Никитин воссоздал по черепу его скульптурный портрет. Реконструкция, конечно, не фотография – ее точность приблизительна. И всё же, всматриваясь в суровое и мудрое лицо старца с твердым, прямым взглядом, можно, кажется, что-то узнать не только о его внешности, но и о его характере и внутреннем мире. Из обследования мощей Нестора, предпринятого при реконструкции его облика в 1985 году, следует, что он умер в преклонном возрасте и был, по нашим меркам, весьма невысокого роста².

¹ Мнение Р. Ф. Тимковского, указавшего на противоречия между этими житиями и «Повестью временных лет» и признавшего Нестора автором только летописи (Тимковский Р. Ф. Краткое исследование о патерике преподобного Нестора, летописца Российского, предложенное в речи, читанной членом РФТ., по случаю открытия новой залы Общества // Записки и труды Общества истории и древностей российских, учрежденного при Императорском Московском университете. 1815. Ч. 1. С. 73), не получило признания в науке. Вслед за Р. Ф. Тимковским признал оба жития не Несторовыми лишь В. М. Перевощиков. В принадлежности Нестору «Повести временных лет» он сомневался. См.: Перевощиков В. М. О русских летописях и летописателях до 1240 г. СПб., 1836. С. 26–27.

² Возраст, в котором умер преподобный, определяется по-разному: либо 70–80 лет (см.: Карпов А. Ю. Русская Церковь в X – XIII вв.: Биографический словарь. 2-е изд. М., 2019. С. 312, ссылка на устную консультацию С. А. Никитина), либо 60–65 лет (Там же; Колпакова В. М., Кабанец Э. П. Комплексні медико-антропологічні дослідження святих мощей Києво-Печерської лаври // Дива печер лаврських. Київ 1997. С. 92). Рост – 163–164 сантиметра. Стоит, однако, учитывать, что за

Так что читателю впору воскликнуть вслед за героем одной великой книги: «Тоже мне бином Ньютона!» Нечего автору рисоваться и кокетничать: цели ясны, задачи указаны – за работу!

Увы, всё обстоит намного хуже. Настолько, что в какой-то момент я был готов даже отказаться от задуманного труда, поначалу радовавшего и вдохновлявшего. А всё дело в названии. И, конечно, в читательских представлениях и ожиданиях. Рассказать о двух житиях, написанных киево-печерским монахом Нестором, о жизни и судьбе их творца, об обители, в которой он подвизался, и о Руси того времени, в которое ему выпало жить, – в общем-то не сложнее, чем проследить путь любого иного известного и прославленного человека прошлого. Но, несомненно, абсолютному большинству возможных читателей этой книги «Чтение о Борисе и Глебе» неизвестно: переиздавалось оно нечасто, и если кто-то из читателей и знаком с каким-то из агиографических памятников о Борисе и Глебе, то им, конечно, является «Сказание»: оно и перепечатывалось многократно, и в разных хрестоматиях встречается. Да и, приходится признаться, в художественном отношении оно совершеннее. Из двух написанных Нестором агиобиографий Житие Феодосия знакомо лучше: оно вошло, например, в такие известные серийные издания, как «Памятники литературы Древней Руси» и «Библиотека литературы Древней Руси». Житие это в своем роде замечательное. И всё же в сознании большинства слышавших о Несторе его имя спаяно, сращено неразрывно вовсе не с двумя житиями, а с Начальной русской (точнее, восточнославянской) летописью – «Повестью временных лет». Забавный случай из жизни. Один не самый дикий и непросвещенный школьник на вопрос автора этих строк: «О ком идет речь в стихе Грибоедова “Тот Нестор негодяев знатных”?», не задумываясь, назвал героя этой книги. Ошибка, уверен, не единичная. (В действительности создатель «Горя от ума» подразумевал старейшего из героев Троянской войны, упоминая его имя в нарицательном значении «вождь, предводитель».) А современный интеллектual (впрочем, не специалист по Древней Руси) ничтоже сумняшеся написал: «Автором “Повести временных лет” считают монаха XII века Нестора, хотя единственное, что о нем известно, – это то, что он автор “Повести”»³. О Несторе известно не так уж мало, но вот то, что он написал «Повесть временных лет», как раз не факт, а предположение.

Мы говорим Нестор – подразумеваем летопись. Не случайно заглавие этой книги не просто «Нестор» (мало ли было Несторов – от премудрого старца – героя Гомеровой «Илиады», наставляющего греческих царей под стенами Трои, до знаменитого анархиста Махно...), а «Нестор Летописец»^[2]. Это примерно так же, как с Фонвизиним: он написал немало других интересных сочинений (одна комедия «Бригадир» чего стоит!), но остался памятен специалистам лишь как автор «Недоросля»: «Умри, Денис, лучше не напишешь!» Или как с Грибоедовым: признайтесь, многие ли читали, к примеру, его комедии «Молодые супруги» или «Притворная неверность»? (Первая из них – переделка французской пьесы, а вторая написана в соавторстве, но сути дела это не меняет.)

Между тем еще в XIX веке прозвучало мнение, что Нестор «Повесть временных лет» не писал. Указание на его авторство содержится лишь в одном позднем списке (XVI века) этой летописи и в послании киево-печерского монаха Поликарпа архимандриту^[3] этой обители Акиндину, написанном в начале 30-х годов XIII века. А в древнейшем списке «Повести временных лет», Лаврентьевском (1377), не только нет имени Нестора, но содержится приписка другого книжника – Сильвестра, то ли составителя, то ли редактора или переписчика летописи. Кроме того, между житиями, точно составленными Нестором, и «Повестью временных лет» обнаруживаются противоречия. Все эти казусы исследователи-текстологи склонны решать

многие столетия существования Печерской обители мощи святых переносили на новые места. Так что нельзя исключать, что исследованные останки принадлежат не герою нашей книги.

³ Эткинд А. Внутренняя колонизация: Имперский опыт России / Авториз. пер. с англ. В. Макарова. 4-е изд. М., 2018. С. 69 (серия «Библиотека журнала “Неприкосновенный запас”»).

по-разному, причем случалось, что один и тот же ученый менял свою точку зрения. Кто-то доказывает, что Нестор – составитель первой редакции летописи, позднее переработанной (по одной из версий – Сильвестром); до нас эта редакция в первоначальном виде не дошла. Другие полагают, что он автор основного дошедшего до нас текста «Повести временных лет». Некоторые считают Нестора редактором поздней версии «Повести временных лет», но не автором. Есть и те, кто полностью отрицает причастность Нестора к работе над этой летописью. Высказывалось и предположение о двух Несторах: один автор житий, а другой и правда летописец. Небезызвестный Хлестаков приписал себе авторство романа «Юрий Милославский», написанного Загоскиным, а когда чуть не оказался уличен во лжи, заявил, что написал другой роман с таким же названием. В гоголевском «Ревизоре» представлена комическая ситуация – существование двух разных книг с одним и тем же, не самым распространенным названием. А вот в летописеведении появились два книжника с одним и тем же именем.

Но и это еще не всё: предметом непрекращающихся споров является объем текста Начальной летописи, принадлежащий автору «Повести временных лет»: ведь очень многое, посвященное описанию событий прошлого, этот книжник брал из более ранних летописей. Вместе с тем, если первоначальный текст «Повести временных лет» подвергался переработке и в исконном виде не сохранился (а это доказано практически неопровержимо), то возникает вопрос: а каким он был? Дискуссии по этому поводу ведутся много лет, а согласия нет как нет.

Итак, проблема первая: а был ли Нестор летописцем, Нестор ли написал «Повесть временных лет»? Проблема вторая: даже если принять гипотезу об авторстве Нестора, что именно в составе летописи ему принадлежит?

Запутанность этих проблем объясняется, с одной стороны, недостаточностью сведений, имеющих в нашем распоряжении, а с другой – возможностью взаимоисключающих ответов. Понятно, что отрицающие друг друга точки зрения не могут быть одинаково верными. Но какая из них может быть признана истинной? Различные гипотезы относительно истории создания и авторства «Повести временных лет» часто, если не обычно, строятся на избирательных основаниях, способных эти предположения подтвердить, при недооценке или игнорировании иных данных, которые также можно было бы взять в качестве исходных. Кроме того, имеющиеся свидетельства нередко подвергаются односторонней, субъективной интерпретации; при этом другие толкования игнорируются.

Однозначное решение «проблемы Нестора Летописца», видимо, попросту невозможно. Автор этих строк, хотя и занимался изучением «Повести временных лет», в том числе некоторыми вопросами истории текста отдельных ее фрагментов, не исследовал историю складывания памятника в целом. К тому же жанр книги, которая предложена читателю, исключает возможность развернутых ученых штудий, понятных и интересных только специалистам. На мой взгляд, бесспорных оснований отрицать авторство Нестора и его право именоваться Летописцем нет. Поэтому я принимаю эту «выгодную» для себя гипотезу со спокойной совестью, хотя и сознаю: при ином ракурсе, ином взгляде такое авторство оказывается проблематичным. Замечу лишь, что, как представляется, ракурс, избранный мною, с точки зрения доказательности, обоснованности ничуть не хуже иных. Что касается объема летописных текстов, возможно принадлежащих Нестору, я предпочитаю быть достаточно суровым и строгим, в целом соглашаясь признать им написанными лишь те фрагменты, которые еще в начале XX века посчитал Несторовыми замечательный исследователь «Повести временных лет» академик А. А. Шахматов. Но ограничиться простым согласием с Шахматовым невозможно: за прошедшие примерно сто лет после издания его книги «Повесть временных лет» (1916) появились исследования как уточняющие его концепцию, так и пытающиеся ее опровергнуть. Игнорировать их и неверно, и невозможно, как невозможно и рассмотреть во всех деталях: научно-популярная книга превратилась бы в объемистый ученый труд по текстологии «Повести временных лет», писать который я бы сейчас не решился. Пришлось поступить иначе: посвятить проблемам истории

текста Начальной летописи и авторства Нестора отдельную главу, названную «Как создавалась «Повесть временных лет», или Немного текстологии». Читатели, не желающие обременять себя необходимостью следить за учеными спорами, аргументами и контраргументами, могут эту главу пропустить, спокойно и комфортно приняв как данность привычную версию о Несторе – авторе «Повести временных лет». Нужно только помнить, что эта версия – на самом деле гипотеза, а не безусловный факт.

Желающим понять, «как оно могло быть на самом деле», советую этой главой не пренебречь. Ведь, как заметил современный исследователь летописания, «вообще, ключ к пониманию многих средневековых источников, и в особенности – анналов^[4] и летописей – лежит в реконструкции процесса их создания и последующей переработки. Если мы возьмем почти любые средневековые анналы, мы увидим, что в тексте – в том виде, в каком он дошел до нас, – отразилась работа многих поколений летописцев, ведших погодные записи, составлявших своды, делавших приписки на полях, и так далее. Каждый из них, разумеется, мог иметь свои собственные, неповторимые особенности стиля, взгляды и круг интересов, однако все они участвовали в некоем общем занятии, процессе, оставаясь, как правило, анонимными. Поколения ученых-текстологов распутывают такого рода “клубки”, восстанавливают конкретные этапы работы летописцев, реконструируют утраченные протографы. Иногда выводы ученых настолько безупречны и убедительны, что принимаются всеми или почти всеми. Но чаще бывает, что по поводу важнейших событий в истории анналистики той или иной страны возникают научные дискуссии, конкурирующие точки зрения, множество гипотез и догадок»⁴.

Не прочитавшим эту главу могу лишь адресовать фразу из известной кинокомедии: «Хотите – верьте, хотите – нет». Если же к этой главе обратятся читатели – специалисты по истории текста «Повести временных лет», хочу предупредить их возможные недоумение и недовольство (почему не упомянута или не рассмотрена подробно статья или книга такая-то?), смиренно напомнив («Не кляните Бога ради», – сказал бы в подобном случае летописец), что я писал не научное исследование и правила жанра никак не позволяют пойти против формулы, некогда выведенной небезызвестным Козьмой Прутковым: «Нельзя объять необъятное». Вместе с тем в главе содержатся текстологические размышления и наблюдения, которые, смею надеяться, окажутся небезынтересными и важными и для ученых.

Поскольку эта книга не строго научное сочинение, древнерусские тексты цитируются в ней, как правило, в переводе на современный русский язык, при цитировании из имеющихся в оригинале используются только буквы, существующие в современном русском алфавите», за исключением буквы ять (ѣ) – ей по нынешним орфографическим правилам соответствует «е» – и «і» – на ее месте сейчас ставят «и». Эти буквы сохраняются, если используются в цитируемых публикациях. Также сохраняется, если она есть в древнерусских текстах, буква ер (ѣ) на конце слов. Во времена Нестора она обозначала краткий (редуцированный) звук «о». Когда в изданиях текст печатается по рукописям знак в знак, пунктуация приведена к современным нормам. Все выделения в цитатах принадлежат авторам соответствующих работ.

Нестору посвящена лишь одна, во многом устаревшая и тенденциозная монография, принадлежащая М. Д. Присёлкову^[5]. Имеющиеся статьи о нем – чисто научные, специальные исследования, к тому же обычно содержащие спорные гипотезы и толкования. Поэтому я предпочел отказаться от библиографического списка в конце книги. Что касается изданий «Чтения о Борисе и Глебе», Жития Феодосия Печерского и «Повести временных лет», читатели могут найти ссылки на них в соответствующих главах.

⁴ Гимон Т. В. Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М., 2012. С. 26–27.

В качестве синонима названия «Повесть временных лет» используется принятое в науке обозначение «Начальная летопись». Не следует путать его с «Начальным сводом» – традиционным обозначением гипотетической летописи, предшествовавшей «Повести...».

Я постарался избежать, насколько это было возможно, повторов. Но всё же в нескольких случаях мне пришлось в разных главах обращаться к одним и тем же фрагментам древнерусских источников, рассматривая их с различных точек зрения. Византийский император X века Константин Багрянородный, рассказывая о походах киевских князей по окрестным землям за данью, назвал их «кружениями». Читателям этой книги придется поучаствовать в «кружениях» по древнерусским текстам. Пишущий эти строки не обещает им такого же прибытка, что получали древнерусские правители. Но, думаю, возвращение к цитатам из одних и тех же текстов будет для них не только необходимым, но и небезынтересным.

Автор считает своим приятным долгом выразить признательность исследователям, познакомившим его со своими работами или указавшим на них: А. А. Гиппиусу, С. М. Михееву, Ф. Б. Успенскому. Особая благодарность – покойному А. А. Шайкину.

Глава первая. Явление героя

К сожалению, всё, что мы знаем о Несторе достоверного, ограничивается известиями о себе в двух написанных им житиях. Самое раннее событие собственной жизни, им упоминаемое, – приход в Киево-Печерский монастырь. В Житии Феодосия Печерского Нестор пишет, что «принят был» в монастырь «преподобным игуменом^[6] Стефаном, и от него пострижен был, и монашеских одеяний сподоблен, еще же и в диаконский сан им возведен был»⁵. Детство и отрочество знаменитого книжника, его жизнь в миру скрыты от нас непроницаемым мраком. А вот образованные люди XVIII века были убеждены, что им известен не только точный год рождения Летописца, но и место, где он появился на свет. Открыв словарь русских писателей, составленный известным литератором, издателем и просветителем Н. И. Новиковым, они могли прочитать: Нестор «родился на Беле-озере 1055 года, пришел в монастырь 1073 года, при Антонии и Феодосии»⁶. Создателем версии о Белоозере, городе на далеком севере, на берегу одноименного озера (ныне это районный город Вологодской области), был первый русский историк XVIII века В. Н. Татищев. Он первым написал, что автор Начальной летописи «родился на Беле Озере»⁷. Своим рождением на свет это, на первый взгляд интригующее, известие обязано описке безымянного древнерусского книжника. В Радзивилловской, или Кенигсбергской, летописи – рукописи конца XV века, впервые изданной в 1767 году, в знаменитом рассказе о призвании на княжение братьев-варягов Рюрика, Синеуса и Трувора под 862 (6370) годом^[7] о втором брате говорится: «а другой сиде у нас, на Белеозере»⁸. «Сиде у нас», конечно же, описка невнимательного копииста вместо правильного «Синеус». (Вверху, над строкой, такое исправление и сделано.) На это еще в начале позапрошлого века обратил внимание немецкий историк А. Л. Шлёцер, первым скрупулезно исследовавший «Повесть временных лет»⁹. Составитель обстоятельного словаря русских церковных писателей митрополит Новгородский Евгений (Болховитинов) признал, что место рождения Летописца «доподлинно неизвестно»¹⁰.

Итак, о месте появления на свет нашего героя достоверных сведений действительно нет. Но текст «Повести временных лет» позволяет высказать некоторые догадки. Однако об этом – чуть позже.

А откуда взяты сведения о годе рождения Нестора? Писавшие о Несторе в XVIII и в первые десятилетия XIX столетия почти неизменно называли или один и тот же или близкие годы. Новиков – 1055-й, Г. Ф. Миллер¹¹, Татищев¹², Шлёцер¹³, митрополит Евгений Болховитинов¹⁴ и

⁵ Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подг. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон; под ред. С. И. Коткова. М., 1971. С. 135, стб. 67б. Перевод мой.

⁶ <Новиков Н. И.> Опыт исторического словаря о российских писателях. Из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий и словесных преданий собрал Николай Новиков. В Санкт-Петербурге 1772 года. С. 148–149.

⁷ <Татищев В. Н.> История Российская с самых древнейших времен <...> собранная и описанная Василием Никитичем Татищевым. Кн. 1. Ч. 1. [М.,] 1768. С. 51; ср. современное издание: Татищев В. Н. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 1: История Российская. М., 1994. С. 119–120.

⁸ Полное собрание русских летописей. Т. 38: Радзивилловская летопись. Л., 1989. С. 16, л. 8 об.

⁹ См.: <Шлёцер А. Л.> Нестор. Русские летописи на Древне-Славенском языке, сличенные, переведенные и объясненные Августом Лудовиком Шлёцером <...>. Ч. 1 / Перевел с немецкого Дмитрий Языков. В Санктпетербурге, 1809 года. С. 8 (второй пагинации, в издании обозначена церковнославянской цифирью как «И»).

¹⁰ <Евгений, митрополит Киевский и Галицкий (Болховитинов).> Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской церкви. 2-е изд., испр. и умноженное. СПб., 1827. Т. 2. С. 83–84.

¹¹ См.: Миллер Г. Ф. О первом Летописателе Российском преподобном Несторе, о его летописи и о продолжателях оная // Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. 1755. Т. 1. Апрель. С. 275–283.

¹² История Российская с самых древнейших времен <...> собранная и описанная Василием Никитичем Татищевым. С. 51.

¹³ Нестор. Русские летописи на Древне-Славенском языке, сличенные, переведенные и объясненные Августом Лудовиком Шлёцером <...>. Ч. 1. С. 9 (второй пагинации, в издании обозначена церковнославянской цифирью как «И»).

еще ряд авторов – 1056-й. Такая уверенность основывалась на известии позднего «Жития преподобного отца нашего Нестора, летописца Российскаго». Это Житие Нестора, составленное для первого печатного издания Киево-Печерского патерика^[8] – сборника сказаний о Печерской обители и ее насельниках, преданного тиснению и составленного по указанию ее настоятеля Иннокентия Гизеля в 1661 году. Житие сообщало, что Нестор пришел в монастырь, когда его настоятелем был преподобный Феодосий и еще был жив создатель обители преподобный Антоний: «прииде к ним, желая святаго Ангелскаго Иноческаго образа, имый точію^[9] седмнадцать лѣтъ от рожденія своего»¹⁵. Но сначала он пребывал в послушниках, а пострижен в монахи и потом возведен в сан диакона был при преемнике Феодосия игумене Стефане: «И приять святыи Ангелскій Иноческій образ от Преподобнаго Стефана Игумена Печерскаго. Потом же и на Дияконскій степень от тогожде возведен»¹⁶. В начале XVIII века Димитрий Ростовский включил это житие в составленную им книгу житий святых (Четии Минеи)¹⁷.

Сведения о том, что Нестор пришел в монастырь во времена игуменства Феодосия, умершего 3 мая 1074 года, восходят к записи в «Повести временных лет» под 1051 (6509) годом, в конце которой летописец сообщает о себе: «Когда же жил Феодосий в монастыре, ведя добродетельную жизнь и блюдя монашеские правила и принимая всякого, приходящего к нему, и я пришел к нему, худой и недостойный раб, и принял он меня 17 лет отроду»¹⁸. Это автобиографическое известие завершает в Начальной летописи пространное сказание об основании Печерского монастыря. Но принадлежат ли эти слова именно Нестору, если и считать его составителем «Повести временных лет»? Отождествление этого безымянного книжника с Нестором появилось впервые в двух рукописных редакциях Киево-Печерского патерика, составленных печерским монахом Кассианом в 1460 и 1462 годах. (В научной литературе их принято называть 1-й и 2-й Кассиановскими редакциями.) Кассиан, позаимствовавший сказание об основании Печерского монастыря из «Повести временных лет», ничтоже сумняшеся отождествил его автора с Нестором, внося Несторово имя в текст¹⁹. Вот как выглядит это автобиографическое известие в составе 2-й Кассиановской редакции: «Пришел к нему (Феодосию. – А. Р.) и я, грешный и недостойный раб Нестор, и он принял меня, а было мне тогда семнадцать лет от роду»²⁰. Кассиан внес имя Нестора не только в это известие, но и в заглавие сказания, которое сам и сочинил: «Нестора, инока обители монастыря Печерского, сказание о том, почему монастырь был прозван Печерским»²¹. Догадка Кассиана, по-видимому, была вызвана сообщением более ранней редакции патерика, что Нестор был летописцем²², а также, вероятно, знаком-

¹⁴ <Евгений, митрополит Киевский и Галицкий (Болховитинов).> Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской церкви. Т. 2. С. 83.

¹⁵ Патерик, или Отечник Печерский [...]. [Киев,] 1661. Л. 274 об.

¹⁶ Патерик, или Отечник Печерский [...]. [Киев,] 1661. Л. 275.

¹⁷ <Димитрий, митрополит Ростовский.> Книга житий святых. В Киево-Печерской лавре, 1764. Кн. 1: Сентябрь, октябрь, ноябрь. Л. 270 об. – 271 об.

¹⁸ Повесть временных лет / Подг. текста Д. С. Лихачева и Б. А. Романова, пер. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. Ч. 1: Текст и перевод. С. 308 (серия «Литературные памятники»).

¹⁹ См. об этих вставках, сделанных Кассианом: Ольшевская Л. А. Типолого-текстологический анализ списков и редакций Киево-Печерского патерика // Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик / Изд. подг. Л. А. Ольшевская и С. Н. Травников; отв. ред. А. С. Демин. М., 1999. С. 283, 290 (серия «Литературные памятники»).

²⁰ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4: XII век. СПб., 1997. С. 323 (пер. Л. А. Дмитриева). Текст 2-й Кассиановской редакции.

²¹ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4: XII век. СПб., 1997. С. 317.

²² Ср.: «Нестор, написавший летопись» («Слово о Никите Затворнике, который потом был епископом Великого Новгорода») – Древнерусские патерики. С. 141, л. 35; «блаженный Нестор, написав в Летописи о блаженных отцах: о Демьяне, и Еремее, и Матфее, и Исакии» («Слово о блаженном Агапите целителе») – Там же. С. 146, л. 39. Текст так называемой Основной редакции. Сказание о Дамиане (Демьяне), Иеремии (Еремее), Матфее и Исакии (Исаакии) содержится в записи «Повести временных лет» под 5682 (1074) годом. Вопрос о том, была ли Основная редакция самой ранней, является дискуссионным. В отличие от Л. А. Ольшевской, считающей эту редакцию первоначальной, Е. Л. Конявская полагает, что она вторичная, и ее аргументы достаточно весомы; см.: Ольшевская Л. А. Типолого-текстологический анализ списков и редакций Киево-Печер-

ством с рукописью «Повести временных лет», в заглавии которой упоминалось имя Нестора как автора. Все случаи присутствия в летописном тексте авторского «я», в том числе и в статье 1051 года, Кассиан трактовал как знаки авторства Нестора.

Однако приписывание Нестору годовой статьи 1051 года несостоятельно: в Житии Феодосия Печерского книжник сообщает не только о том, что он был пострижен в монахи преемником Нестора Стефаном, но и о том, что в годы настоятельства Стефана, то есть после 3 мая 1074 года, пришел в Печерскую обитель; он прямо пишет, что не застал Феодосия в живых и был вынужден расспрашивать о нем знающих людей²³. Кроме того, статья 1051 года противоречит Житию: в летописи говорится, что Феодосий добыл греческий свод монашеских правил (Студийский устав) у некоего монаха Михаила, пришедшего из Византии²⁴, в то время как в жизнеописании Феодосия Нестор пишет, что тот попросил переписать устав печерского монаха скопца Ефрема, жившего в Константинополе²⁵. Правда, замечательный текстолог, исследователь русского летописания А. А. Шахматов в 1896 году предполагал, что запись летописца о себе в «Повести временных лет» – это действительно автобиографическое сообщение Нестора, однако подвергнутое редактированию, которое произвел более поздний книжник (Шахматов называет его составителем «Повести временных лет»): «заключительная фраза Нестора сохранена и поставлена в ненадлежащую связь с Феодосием, которого он в монастыре не застал уже в живых»²⁶. Таким образом, получается, что недостоверным является известие о приходе Нестора в Печерскую обитель в годы настоятельства Феодосия, но указанный в летописной записи возраст, в котором автор ушел из мира и посвятил себя Богу, якобы относится именно к Нестору: «Следовательно, Нестор, которому было семнадцать лет во время игуменства Стефана (начало его игуменства – 1074 г.), родился не ранее 1057 г.»²⁷.

ского патерика. С. 253–315; *Конявская Е. Л.* Древнейшие редакции Киево-Печерского патерика // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*. 2006. № 1 (23). С. 32–45. Но, так или иначе, по отношению к Кассиановским редакциям Основная редакция, несомненно, более ранняя.

²³ А. М. Кубарев, отметивший разноречие между свидетельством летописца в статье 1051 года о приходе в монастырь при Феодосии и сообщением в Житии Феодосия о приходе и постриге во время игуменства Стефана, попытался примирить их. Нестор якобы был принят как послушник в годы настоятельства Феодосия, а был пострижен при его преемнике: иначе трудно объяснить, как послушник без испытания почти тотчас стал диаконом. См.: *Кубарев А. М.* Нестор, первый писатель российской истории, церковной и гражданской. Сочинение А. Кубарева. <М., 1842>. С. 64–65. (Отдельный оттиск статьи из издания: *Русский исторический сборник*. М., 1842. Т. IV. Кн. 4. С. 386–436.) Но это объяснение несостоятельно: Нестор должен был в Житии Феодосия сказать о своем знакомстве с ним, а кроме того, автор Жития прямо сообщает, что при Стефане «приятъ быхъ» (был принят) в обитель, а затем удостоен пострига. На противоречие между известием летописной статьи «Повести временных лет» под 1051 годом и словами Нестора о себе в Житии Феодосия Печерского позднее обратил внимание историк Н. И. Костомаров, признавший, что летописный фрагмент принадлежит не Нестору, а другому книжнику: «Нестор пришел не при Феодосии, а при его преемнике Стефане, и следовательно, известие, помещенное под приведенным годом, принадлежит не Нестору, а какому-то другому летописцу, писавшему прежде его». – *Костомаров Н. И.* Лекции по русской истории профессора Н. И. Костомарова / Составлены по запискам слушателей П. Г[айдебур]овым. Ч. 1: Источники русской истории. СПб., 1861. С. 31.

²⁴ См.: *Повесть временных лет*. С. 107 (оригинал), 307 (перевод).

²⁵ См.: *Библиотека литературы Древней Руси*. Т. 1: XI–XII века. СПб., 1997. С. 378 (оригинал), 379 (перевод). На это различие обратил внимание А. А. Шахматов в книге «Разыскания о древнейших русских летописных сводах» (1908); см.: *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах // *он же*. История русского летописания. Т. 1: Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 1: Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 2002. С. 193. Историк Я. Н. Шапов склонен примирить два известия: от студийского монаха Михаила Феодосий будто бы получил «только часть нужного устава», а полную версию ему принес печерский черноризец Ефрем (*Шапов Я. Н.* Монашество на Руси в XI–XIII веках // *Монашество и монастыри в России. XI–XX века: Исторические очерки* / Отв. ред. Н. В. Сеницына. М., 2005. С. 15). Значительно раньше это же мнение высказывали митрополит Макарий (Булгаков) и Е. Е. Голубинский; см.: *Макарий, митрополит Московский [Булгаков]*. История Русской церкви. Макария, епископа Винницкого. Т. 2. СПб., 1857. С. 45; *Голубинский Е. Е.* История Русской церкви. Т. 1: Период киевский, или домонгольский. Вторая половина тома. 2-е изд., испр. и доп. М., 1904. С. 372–373. Но если это и так, в летописи и в Несторовом Житии Феодосия всё же представлены разные версии обретения Студийского устава печерянами.

²⁶ *Шахматов А. А.* Несколько слов о Несторовом Житии Феодосия (1896) // *он же*. История русского летописания. Т. 1: Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 2: Раннее русское летописание XI–XII вв. СПб., 2003. С. 19. Эта мысль повторена ученым в исследовании «Житие Антония и Печерская летопись» (1898); см.: Там же. С. 161, 164.

²⁷ *Шахматов А. А.* Несколько слов о Несторовом Житии Феодосия. С. 19–20.

Но это объяснение, словно призванное «спасти» сложившиеся представления о времени рождения Нестора, неубедительно. Средневековый английский философ Оккам заметил: «Не нужно множить сущности без необходимости». Этот принцип («бритва Оккама»), призванный отдавать преимущество более простым объяснениям перед сложными и запутанными, вполне применим при решении проблемы, какому книжнику принадлежит сообщение о приходе в Печерский монастырь в семнадцатилетнем возрасте. Наиболее простое и логичное решение таково: запись принадлежит не Нестору, а другому печерянину. Между прочим, к этой мысли в конце концов пришел и сам А. А. Шахматов²⁸. Он заметил о киево-печерском книжнике Кассиане: «Кассиан <...> внес в Печерский патерик несколько статей из ПВЛ («Повесть временных лет». – А. Р.), очевидно, признавая самую ПВЛ составленную Нестором. <...>... Он вставил имя Нестора и в самый текст статей, где автор их говорит о себе в первом лице. <...>... Вместо слов Кассиановской первой редакции (точно передающих текст ПВЛ): “к нему же и азъ приидох, худый и недостойный рабъ”, в Кассиановской второй читается: “приидох же азъ к нему, худый и недостойный рабъ Нестерь”»²⁹. Шахматов резонно предположил, что Кассиану попал в руки список «Повести временных лет», в заглавии которого фигурировало имя Нестора^[10], и незадачливый и наивный редактор приписал Нестору летопись целиком – не подумав о том, что это свод, плод труда нескольких книжников и что некоторые фрагменты принадлежат его предшественнику. Известный исследователь древнерусской словесности Д. И. Абрамович в 1914 году так подвел итог многолетним дискуссиям о Несторе – авторе «Повести временных лет» и о его жизни до вступления в печерское братство: «Было время, когда к преп. Нестору относили все те места Повести временных лет, где идет речь в первом лице, – и получалась довольно обстоятельная биография: указывали точно год и место рождения, время прибытия и поступления в монастырь, год смерти и общий возраст <...>. Теперь же, когда принадлежность Нестору Начальной летописи оспаривается, требуют значительных ограничений и все эти биографические подробности»³⁰.

Пришел ли Нестор в Печерскую обитель в молодом возрасте или уже зрелым, приобретшим опыт мирской жизни, – неизвестно. Историк М. Д. Присёлков – автор и по сей день единственной биографической книги о нем, изданной почти сто лет назад, в 1923 году, был склонен считать, что Нестор стал монахом не в юности, а уже в средних летах: об этом якобы свидетельствует стремительное превращение послушника (насельника монастыря, исполняющего обеты, но еще не принявшего постриг) в монаха и почти тотчас же – поставление в диакона^[11]. Стефан, при котором Нестор пришел в Печерский монастырь, был его игуменом с 1074-го по 1077-й, или по 1078-й, или по 1079 год³¹ – и за эти три – пять лет послушник удо-

²⁸ См.: Шахматов А. А. Предисловие к Начальному Киевскому своду и Несторова летопись // *он же*. История русского летописания. Т. 1. Кн. 2. С. 401; *он же*. О сочинениях преподобного Нестора (*первая пробная лекция на заседании историко-филологического факультета Московского университета 1 марта 1890 г.*) // Там же. С. 466, 472; *он же*. Повесть временных лет (1916) // Там же. С. 541, 577. Ко времени «около 1056–1057 г.» без каких-либо аргументов отнес рождение Нестора А. Н. Ужанков; см.: Ужанков А. Н. Святые страстотерпцы Борис и Глеб: к истории канонизации и написания житий // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2000. № 2 (16). С. 47. По-видимому, это курьезный пример давно оставленного в науке мнения, которое первоначально разделял А. А. Шахматов.

²⁹ Шахматов А. А. Нестор летописец (1914) // *он же*. История русского летописания. Т. 1: Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 2. С. 421–422.

³⁰ Абрамович Д. И. Нестор Летописец // Русский биографический словарь. [Т.] Нааке-Накенский – Николай Николаевич Старший. СПб., 1914. С. 254–255.

³¹ Стефан стал настоятелем после смерти Феодосия Печерского, произошедшей 3 мая 1074 года. Эта дата указана и в Житии Феодосия, и в «Повести временных лет» под 1074 (6582) годом. В настоятелях он пробыл недолго и был вынужден оставить игуменство под давлением монашеской братии, которая предпочла ему монаха Никона. Год, когда это произошло, источники не указывают. В литературе принято считать, что Стефан перестал быть настоятелем Печерской обители в 1078 году. См., например: <Амвросий (Ориатский)> История российской иерархии, собранная <...> Архимандритом Амвросием. Ч. 2. В Москве, 1810. Отд. II. С. 42; <Евгений, митрополит Киевский (Болховитинов)> Описание Киевопечерской лавры <...>. 3-е изд., испр. и умноженное. Киев, 1847. С. 130; <Строев П. М.> Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви / Сост. из достоверных источников Павел Строев <...>. СПб., 1877. С. 11; Голубинский Е. Е. История Русской церкви. Т.

стоился стать сначала монахом, а потом и диаконом!³² Порядок прохождения степеней монашества в Киево-Печерской обители известен из описания, принадлежащего самому Нестору: «... в “Житии Феодосия” Нестор, подчеркивая для читателя, что преемники и ученики Феодосия “доныне” ведут жизнь обители по уставу студийского монастыря^[12], введенному в Печерском монастыре самим учителем, – так описывает главную черту этого устава в отношении приема новых братьев: конечно, принимаются все приходящие, не взирая (так! – А. Р.) на их убогость или богатство, но не все постригаются сразу; вновь пришедшим игумен повелевает сначала ходить в своем мирском платье, пока тот не выучивал весь “устрой” монастырский; только тогда разрешалось одеть монашеское платье и начиналось испытание пришедшего во

1. Вторая половина тома. С. 597, примеч. 3, с. 584; *Творогов О. В.* Никон (Великий) // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. I: (XI – первая половина XIV века) / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1987. С. 280; *Дмитриев Л. А., Ольшевская Л. А.* Комментарии // *Библиотека литературы Древней Руси*. Т. 4: XII век. С. 645; *Ольшевская Л. А., Травников С. Н.* Комментарии // *Древнерусские патерики*. С. 393; *Жиленко И.* Святиня: История Киево-Печерской лавры. Т. 1: XI–XVI ст. Року Божого 2001. Ч. 3. Печерский монастырь в останній чверті XI – на початку XII ст. // http://litopys.org.ua/synopsis/swjatynja.htm#_ednref293. Е. Е. Голубинский доказывает, что уход Стефана и начало игуменства Никона относятся к 1078 году, таким образом, «в 1078 г. по Патерику игуменом был уже преемник Стефана Никон (затворник Никита, после епископ Новгородский, при игумене Никоне предсказал смерть князя Глеба Святославича, а последний убит в 1078 г.)» – *Голубинский Е. Е.* История Русской церкви. Т. I. Вторая половина тома. С. 507, примеч. 3. Историк подразумевает сказание о печерском монахе Никите, включенное в Киево-Печерский патерик. Е. Е. Голубинский полагал, что Никон сменил Стефана не позже 1078 года; примерной датой называет 1078 год и И. Жиленко. В «Повести временных лет» гибель Глеба Святославича действительно датирована 6586-м, то есть 1078 годом; см.: *Повесть временных лет*. Ч. 1. С. 132. Но в новгородском летописании (князь Глеб в это время правил в Новгороде) она отнесена к следующему, 6587 (1079) году; см.: *Полное собрание русских летописей*. [3-е изд.]. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 8, л. 5 (текст Синодального списка), с. 201, л. 98 об. (текст Комиссионного списка). Вопрос о том, какая дата верна, не решен. Исследователь хронологии русского летописания Н. Г. Бережков полагал, что дата «Повести временных лет» – 1078 год; см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания / Отв. ред. М. Н. Тихомиров; подг. к печати Н. Н. Улащик. М., 1963. С. 217, 221, 228, 342, прим. 16. Ср., например, с одной стороны, осторожную позицию А. Ф. Литвиной и Ф. Б. Успенского, датирующих смерть Глеба 1078/1079 годом (*Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X – XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропоники. М., 2006. С. 524), и категоричное признание истинной датой 1078 года, принадлежащее Л. В. Войтовичу, – с другой (*Войтович Л.* Княжа доба: Портрети еліти. Біла Церква, 2006. С. 371). Если связывать уход Стефана и начало игуменства Никона со сменой власти в Киеве, то эти события должны были произойти или в 1078-м, или даже еще раньше, в 1077 году. Ср. замечание Л. А. Ольшевской и С. Н. Травникова: «В 1077 г. на киевский стол вернулся Изяслав Ярославич, поддерживавший Никона, что предприняло изгнание Стефана». – *Ольшевская Л. А., Травников С. Н.* Комментарии. С. 393–394. Авторитетный польский историк А. Поппэ также относит изгнание Стефана ко второй половине 1077-го или к первой половине 1078 года; см.: *Поппэ А.* Студиты на Руси. С. 72. Встречается, впрочем, в качестве времени ухода Стефана с игуменства и 1083 год; см. известие составленной в конце XVI – начале XVII века «Книги, глаголемой Описание о российских святых...» с дополнениями гр. М. В. Толстого: Чтение в Обществе истории и древностей российских. 1887. Ч. 4. Отд. II. С. 18. Однако эта дата обоснована недостаточно.

³² Польский историк А. Поппэ считает, что Нестор принял диаконский сан в возрасте не менее двадцати пяти лет, а в обитель пришел не меньше чем за три года до этого: «Чтобы быть рукоположенным в диаконы, следовало иметь как минимум полных 25 лет, пребывая в монашестве не менее 3 лет. Следовательно, Нестор вступил в Печерскую обитель не ранее середины 1074 г. и не позднее 1075 г., так как Стефан перестал игуменствовать к исходу 1077 – в начале 1078 гг.». – *Поппэ А.* Студиты на Руси. С. 77. Соответственно, книжник должен был родиться не позже 1053 года. Слова Нестора о себе в Житии Феодосия Печерского «мнии всех в монастыре» – «меньше всех в монастыре» ученый склонен считать не указанием на социальное положение и не проявлением смирения, но свидетельством об относительно молодом возрасте автора, написавшего это житие, по мнению исследователя, в 1080-х годах: «На 1107 г. Нестору было уже не менее 56, а, вероятнее, ок. 60 лет, т. е. он находился в весьма преклонных, старческих, по меркам средневековья, годах. В этом возрасте и у монаха *мнии всех в монастыре*, высказанное в смысле положения, звучит претенциозно и более подходит к Нестору 35-летнему, каким он был ок. 1085 г. Но из слов самого Нестора следует, что Феодосий уже в сане игумена, т. е. лет сорока, а то и более, *мнии всех ся творя* <...>. Так что уверенности и тут быть не может. Но она пробивается при *от древних мене отец*. Уже то, что Нестор говорил не о монашеской братии, а о *отцах*, указывает на возрастной разрыв. По-видимому, этот момент кроется в данном случае в необычном употреблении *древних* – кальки от гр. *archaios*. Почтенное *старци* имело иную коннотацию, а *старее мене* веяло дряхлостью, тогда как *древних* звучало уважительным архаизмом, одновременно отмечая маститость свидетелей». – Там же. С. 73, прим. 139. И далее: «Наконец, самоопределение агиографа: *аз грешный Нестор мнии всех в монастыри* можно признать самоуничижительным, но и нельзя упускать того, что в среде подобных себе подвизающихся в исповедании веры не следовало преуменьшаться. Он имел в виду свой возраст и иноческий стаж, и в обоих случаях мог действительно чувствовать себя как *мний* среди долгие монашествующих, критически оценивая собственную персону: *груб сый, невеглас*». – Там же. С. 76–77. (Невеглас – невежда.) Но это спорное толкование. Скорее это именно пример самоуничижения. Абсолютно непонятно, почему исследователь считает такое самоуменьшение недолжным для монаха «в среде подобных себе». Такое умозаключение представляется не только несостоятельным, но и абсурдным.

всех “службах” монастыря; удовлетворив этому испытанию, пришлец получал пострижение и облачение в “манатью”; однако этим еще не заканчивалось вступление, потому что последней ступенью его считалось “приятие” святой схимы, на которое новый брат “сподоблялся” игуменом только тогда, когда не оставалось сомнений в том, что он – чернец^[13], искусный житьем чистым»³³.

Схимой (словом греческого происхождения, означавшим «образ») именовались и именуется две высшие степени монашества – малая и великая схимы – и обеты, которые дает их принимающий. М. Д. Присёлков пишет о малой схиме. Нестор очень быстро прошел послушание, был принят в низшую, приговорительную степень монашества (рясофор), пострижен в малую схиму³⁴, а затем почти тотчас же возведен в сан диакона, что было редким, если не исключительным явлением: «Если мы к этому припомним, что Нестор так описывает свое прохождение вступительной лестницы в монастырь при игумене Стефане: 1) был принят; 2) пострижен и 3) сподобился мнишеской одежды, – то мы, сопоставляя иску Нестора со ступенями обычного искуса, описанного выше, должны будем признать, что под мнишеской одеждой, закончившей иску Нестора, он разумеет “святую скиму”, т. е. последнюю ступень вхождения в монастырь нового брата. В этом нас подкрепляет и то наблюдение, что при описании действия устава Нестор о простой монашеской одежде не употребляет выражения “сподобиться”, относя его именно к принятию схимы; да и по порядку устава та одежда предвляла пострижение, а не последовала ему.

Иною речью Нестор сообщает нам про себя, что для него вступление в число братьев монастыря, т. е. прохождение всех ступеней испытания вплоть до принятия схимы, почему-то ограничилось рамками краткого промежутка времени, и он еще при том же игумене, всего четыре года пробывшем на игуменском кресле, успел получить даже сан диакона. Сам Нестор счел нужным и уместным пояснить читателю, почему это так случилось и он скоро оказался в диаконском сане: «...» игумен поступил так “божиею волею и по любви”»³⁵. Историк спрашивает: «Что же хотел сказать этим Нестор?» – и отвечает: эта любовь не была «личным пристрастием» игумена, если книжник осмелился поведать о ней. Стефан, как о том говорится неоднократно в Житии Феодосия, был человеком ученым, сведущим в духовных книгах, а значит и Нестора он приветил, потому что новый пришелец из мира обладал жизненным опытом, был образован и проявил способности в словесности: «... в его лице игумен Стефан встретил не метущуюся юность и не наличие одной сердечной простоты или не взвешенного порыва; в монастырь вступал не молодой и образованный человек, понять мотивы ухода из мира которого можно было легко и на решение которого можно было смело положиться; к тому же вступающему, как всякому образованному человеку той поры, конечно, уже были известны и весь строй монастыря и все монастырские “службы”; наконец, в его лице игумен и братия приветствовали и “любили” принесенное им образование и литературный талант»³⁶.

Свои догадки М. Д. Присёлков подкрепил сообщением Нестора, которое расценил как прямое указание на возраст книжника при вступлении в печерское братство: «Прибавим к этому, что, вспоминая о своей греховности от юности (этой греховностью пренебрег игумен Стефан, возвышая Нестора), конечно, Нестор хочет дать нам знать, что его юность к этому времени была уже в прошлом»³⁷.

Эти соображения достаточно убедительны, хотя и не бесспорны. Возможно, причиной особенного благоволения Стефана к Нестору были и образованность, и рано проявившийся

³³ Присёлков М. Д. Нестор Летописец: Опыт историко-литературной характеристики. [2-е изд.] СПб., 2009. С. 34.

³⁴ Ср. в этой связи о степенях монашества и о печерской традиции: Успенский Б. А. Антоний Печерский и начальная традиция русского монашества (Рясофор в Древней Руси) // *Slověne*. 2016. № 1. С. 70–113.

³⁵ Присёлков М. Д. Нестор Летописец: Опыт историко-литературной характеристики. С. 34–36.

³⁶ Присёлков М. Д. Нестор Летописец: Опыт историко-литературной характеристики. С. 37–38.

³⁷ Присёлков М. Д. Нестор Летописец: Опыт историко-литературной характеристики. С. 37.

литературный талант, и зрелый ум. Но, может статься, зрелый не по летам: нельзя исключать, что будущий автор Жития Феодосия пришел в Печерскую обитель и не в среднем возрасте, а более молодым. Что касается упоминания Нестором о своей будто бы давно миновавшей юности («с юности многими грехами полон»³⁸), то эти строки можно понять по-разному, в том числе и не так, как это сделал М. Д. Присёлков. Это так называемая формула смирения – «общее место», характерное как для агиографии, так и для средневековой словесности в целом, и искать в ней автобиографический смысл совершенно не обязательно: Нестор вовсе не хочет подчеркнуть, что был исполнен грехов с юных лет и именно до пострижения в монахи и возведения в сан диакона. Скорее он делает точками отсчета не юность и годы, когда к нему благоволил Стефан, а юность и время написания Жития Феодосия, которое было для автора его настоящим. Тем самым книжник в покаянно-смирненном тоне, стремясь поправить соблазн гордыни, самодовольства, свидетельствует, что грехи, обременявшие его в ранние годы, не исчезли и сейчас, в зрелости. Ведь Житие Феодосия Нестор писал уже отнюдь не молодым.

Быстрый подъем по ступеням монашеской иерархии не был в Печерском монастыре чем-то уникальным. Похожим был случай самого Феодосия, но он, видимо, совершил этот подъем как раз в молодом, а не в зрелом возрасте, причем весьма быстро был даже возведен в сан игумена. «Преп. Феодосий был поставлен в игумены в чрезвычайно молодых годах, не имея еще и 30 лет от роду и может быть – имея их не более как 25-ть», – предполагал Е. Е. Голубинский, поясняя: «Это значит, что он решительно возвышался над всею остальною братией, как человек особый в числе ее, и что он давал Антонию провидеть в себе того знаменитого возградителя монастыря, каким явился на самом деле»³⁹. Студийский устав гласил: возложение монашеских одежд зависит от настоятеля. По его усмотрению оно возможно в любое время, «если человек знаемый в монастыре»⁴⁰. По церковным канонам (29-му правилу Карфагенского собора и 14-му правилу VI Вселенского собора) в сан диакона нельзя было возводить тех, кто не достиг двадцатипятилетнего возраста. Впрочем, ссылающийся на эти правила Н. М. Левитский делает оговорку: «Не можем сказать, соблюдалось ли в точности это постановление в древней Руси», но всё же утверждает: «по всей вероятности оно исполнялось хотя приблизительно и если преподобный Нестор, вскоре по вступлении в монастырь, несмотря на значительное число братии, был возведен в диаконский сан, то, без сомнения, кроме духовной зрелости, он достиг уже и вполне зрелого возраста»⁴¹.

Но если признать, что Нестор вошел во врата Печерской обители уже давно взрослым, в середине жизни, можно ли строить предположения, сколько лет примерно ему было? В Древней Руси жизнь человека было принято делить на семь возрастов: 1) младенец; 2) дитя; 3) отрок; 4) юноша; 5) муж; 6) средовек; 7) старец. Принцип был заимствован из византийской книжности. В одной из самых ранних восточнославянских рукописных книг, содержащих переведенные с греческого сочинения, – Изборнике князя Святослава 1073 года – содержится фрагмент под названием «О шестом псалме», принадлежащий прославленному греческому богослову и проповеднику IV – начала V века Иоанну Златоусту, а в нем – похожая седмица: 1) младенец; 2) отрок; 3) отрочище; 4) юноша; 5) «средовечный»; 6) старец; 7) старик. Какими были границы этих возрастов? В одном сочинении древнерусского книжника XVI века Максима Грека^[14] младенцем назывался ребенок до трех лет, детищем (дитятей) – до шести, отрочищем – до девяти, отроком – до двенадцати, юношей – до двадцати, мужем – до тридцати, старцем – до пятидесяти. В сочинении «О седмицах, ими же исполняются лета человеком», известном в довольно поздних рукописях, все периоды содержат по семь лет, то есть подчи-

³⁸ Успенский сборник XII–XIII вв. С. 135, стб. 676.

³⁹ Голубинский Е. Е. История Русской церкви. Т. I. Вторая половина тома. С. 582.

⁴⁰ Голубинский Е. Е. История Русской церкви. Т. I. Вторая половина тома. С. 672.

⁴¹ Левитский Н. Важнейшие источники для определения времени крещения Владимира и Руси и их данные (По поводу мнения проф. Соболевского) // Христианское чтение. 1890. № 5–6. С. 691.

нены той же восходящей к Библии модели, согласно которой число «семь» определяет всё бытие мира: Бог создал мир за семь дней, а просуществует он всего семь тысяч лет. Младенец – человек до семи лет; юноша – до четырнадцати, до двадцати одного года – юноша «в мужеском разуме»; следующий возраст, подступ к маститой зрелости – до двадцати восьми; «муж совершен», который «приходит в совершение разума» – до тридцати пяти; до сорока двух «совершен разумом средовечен», до сорока девяти – «всякого малоумия отлагатель и буести отреватель»^[15]; с пятидесяти шести начинается старость, в этой классификации уже восьмая седмица⁴².

Конечно, ни игумен Стефан, ни другие монахи не мерили ни годы, ни опыт Нестора такой строгой возрастной мерой. Точный возраст ищущего спасения души вообще не должен был волновать чернецов: что он такое в сравнении с вечностью? Но если согласиться с мнением о приходе нашего героя в Печерский монастырь в зрелых летах, наделенным опытом, то, прилагая к возрасту новопришедшего седмицы возрастов, можем сказать: наверное, ему должно было быть близко к тридцати годам или за тридцать и уж точно больше двадцати одного года. Впрочем, эти предположения весьма условны, гадательны, не очень достоверны. Наверное, можно согласиться с автором статьи о Несторе в «Словаре книжников и книжности Древней Руси», указавшим вместо года рождения: «1050-е годы (?)», обозначив с помощью вопроса гадательность даже этой широкой, расплывчатой датировки⁴³.

Но если о годе появления Нестора на свет можно лишь гадать, то о периоде древнерусской истории, когда это произошло, можно сказать многое. Это было особенное время, годы отрочества и юности новой для Киевской Руси христианской культуры. От крещения родной страны рождение Нестора отделяло совсем немного лет – может быть, шестьдесят, может быть пятьдесят или даже меньше⁴⁴. В «Повести временных лет» под 6582 (1074) годом рассказывается о печерском монахе Иеремии (Еремии), который «помнил крещение земли Русской»⁴⁵. В Киево-Печерском монастыре сказание о нем признавали принадлежащим перу Нестора. Весьма вероятно, что это не так, сказание составлено другим печерским книжником. Но нельзя исключать и того, что наш герой застал Иеремию в живых, мог его видеть и с ним говорить, мог знать и других очевидцев события, пережившего судьбу Руси. Так или иначе, христианство ощущалось Нестором как совсем новая, молодая для Руси вера.

С крещением страна обрела письменность, новую культуру, новое понимание бытия. Обрела представление об истории, столь значимое для Нестора. Конечно, и у язычников была своя система нравственных представлений – ценностей и запретов («что такое хорошо и что такое плохо»). Но силы, властвующие в мире, для язычников не были однозначно воплоще-

⁴² См. об этих классификациях: *Шляпкин И. А.* Возрасты человеческой жизни (Из литературной истории человеческих понятий): Речь. СПб., 1909. С. 6–10.

⁴³ *Творогов О. В.* Нестор // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. С. 275; ср. ту же примерную дату рождения в энциклопедических статьях о Несторе Ю. А. Артамонова: *Артамонов Ю. А.* Нестор Летописец (Большая Российская энциклопедия; электронная версия: https://bigenc.ru/domestic_history/text/2263288); *он же.* Нестор Летописец // Православная энциклопедия. Т. 49. М., 2018. С. 77.

⁴⁴ Традиционно крещение Руси относят к 988 году: эта дата, восходящая к «Повести временных лет», указывается во всех энциклопедиях. Но более верным является 989 год. См. об этом, например: *Васильев А. А.* История Византийской империи. Время до Крестовых походов (до 1081 г.) / Вступ. ст., прим. науч. ред., пер. с англ. яз. и именной ук. А. Г. Грушевого. 2-е изд., испр. СПб., 2000. С. 426. О договоре Владимира с византийскими василевсами и о его крещении см. также, например: *Поппэ А.* Политический фон крещения Руси (русско-византийские отношения в 986–989 годах) // Как была крещена Русь. 2-е изд. М., 1989. С. 202–224; *Сюзюмов М. Я., Иванов С. А.* Комментарии // *Лев Диакон.* История / Пер. М. М. Копыленко; статья М. Я. Сюзюмова; комм. М. Я. Сюзюмова, С. А. Иванова; отв. ред. Г. Г. Литаврин. М., 1988. (Серия «Памятники исторической мысли».) С. 222, прим. 69, 70 (со ссылкой на работы О. М. Рапова и Н. М. Богдановой); *Богданова Н. М.* О времени взятия Херсона князем Владимиром // Византийский временник. 1986. Т. 47. С. 39–46; *Карпов А. Ю.* Владимир Святой. М., 1997 (серия «Жизнь замечательных людей». Вып. 738). С. 174–212; *Петрухин В. Я.* Христианство на Руси во второй половине X – первой половине XI в. // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия / Отв. ред. Б. Н. Флоря. М., 2002. С. 79–80.

⁴⁵ Повесть временных лет. Ч. 1. С. 327.

нием Добра или Зла. Хороша или плоха сказочная Баба-Яга – персонаж с длинной мифологической родословной? Или водяной, леший – существа так называемой низшей мифологии? Они ни добры, ни злы – с ними нужно уметь правильно себя вести. Даже покойные предки или родители вовсе не однозначно доброжелательны к потомкам или детям. Не случайно по древнему обряду покойника нужно было выносить через крышу, подпол или окно, но не через дверь, как покидают дом живые, и непременно вперед ногами – всё это затем, чтобы он не вернулся в мир живых. Такое возвращение нежелательно. Языческие боги могли даже испытывать зависть к счастливому человеку и обрушить на него несчастья. В Древней Греции рассказывали миф о правителе острова Самос Поликрате, жившем в VI веке до нашей эры: своим счастьем он вызвал зависть богов и лишился и власти, и жизни. Иначе в христианстве. Для него мир – арена борьбы Бога и Дьявола, абсолютного Добра и беспримесного Зла. Человек – участник в этом поединке.

Как заметил современный историк и антрополог В. Я. Петрухин, «с разрушением традиционного племенного быта, становлением государства, включением индивида в совершенно иные социальные связи, проблема индивидуальной судьбы, в том числе загробной, становилась всё более актуальной. Ответ на вопрос об этой судьбе давали князь и его дружина, епископ и христианство, а не “волхвы” и язычество»⁴⁶.

Для язычника жизнь человека определялась некоей безличной, стоящей вне морали силой – Судьбой, Роком. В греческой мифологии судьбу человека решали богини Мойры, в римской – Парки, в скандинавской – волшебницы Норны – Урд («прошлое, или судьба»), Верданди («настоящее, или становление»), и Скульд («будущее, или долг»). У восточных славян духами, связанными с судьбой человека, видимо, были Род и рожаницы, у южных славян – суденицы.

Перед безликой и немой Судьбой человек был бессилен. Вспомним изложенное в «Повести временных лет» под 912 (6420) годом предание о киевском князе Вещем Олеге, которому волхв предсказал смерть от собственного коня, – Судьбе безразличны слава и величие человека, а избежать ее приговора невозможно.

Такие сюжеты широко распространены в памятниках словесности, отражающих языческую мифологию: в точности такая же история рассказывалась в саге (сказании) о скандинавском конунге (князе) Одде по прозвищу Стрела.

За что, почему умер прославленный своими подвигами князь? На этот вопрос древнее предание не может дать ответа. Как не может греческий миф объяснить, почему злосчастному Эдипу было предсказано убить отца и жениться на матери и почему уйти от исполнения пророчества невозможно: он, пытаясь избежать страшной участи, покидает дом, не зная, что воспитан приемными родителями, и совершает по неведению те самые преступления, от которых бежал, – убивает отца, не зная, кто он, и вступает в брак с его вдовой, не догадываясь, что она подарила ему жизнь. Если эти предания и мифы чему-то учат, то только смирению перед Роком: от Судьбы не уйдешь... Фаталистическое мировосприятие, основанное на представлении о непонятной предопределенности людских судеб, побуждало или примириться с этой безликой силой Рока, или героически бросить ей вызов. Вступивший в поединок с Судьбой проявлял мужество, храбрость. Но выиграть у Судьбы – силы, которой были подчинены и сами боги, он не мог.

Поэт Тютчев описал это языческое представление в стихотворении «Два голоса»:

1
Мужайтесь, о други, боритесь прилежно,
Хоть бой и неравен, борьба безнадежна!

⁴⁶ Петрухин В. Я. Христианство на Руси во второй половине X – первой половине XI в. С. 90.

Над вами светила молчат в вышине,
Под вами могилы – молчат и оне.

Пусть в горнем Олимпе блаженствуют боги:
Бессмертье их чуждо труда и тревоги;
Тревога и труд лишь для смертных сердец...
Для них нет победы, для них есть конец.

2

Мужайтесь, боритесь, о храбрые други,
Как бой ни жесток, ни упорна борьба!
Над вами безмолвные звездные круги,
Под вами немые, глухие гроба.

Пускай олимпийцы завистливым оком
Глядят на борьбу непреклонных сердец.
Кто ратуя пал, побежденный лишь Роком,
Тот вырвал из рук их победный венец.

О язычестве, которое не осознает ценности личности, и об усвоении новыми христианами истин, совсем непохожих на прежние, точно написал искусствовед Г. К. Вагнер: «Новая вера подняла человека на неслыханную высоту (“Я сказал: вы боги”. Евангелие от Иоанна, 10, 34), а в Киеве приносили в жертву людей... В Константинополе сияли красотой монументальная архитектура и живопись, а на Руси люди молились на открытых, окруженных земляными канавами капищах. Живописи восточные славяне, по-видимому, не знали. Да и кого было изображать?! <...> Языческие божества не были персонифицированы. Это были не личности, а природные стихии, олицетворение природных сил. <...> Понимание Иисуса Христа как лица абсолюта, равного двум другим лицам Троицы, и вместе с тем как реальное соединение божества со всей природой человека, с его телом, душой, умом и волей означало не только схождение Бога к человеку <...> но и восхождение человека к Богу... что возвышало человеческую личность, личностное сознание. На первый взгляд это кажется выведением, вычленением человека из Космоса, то есть умалением его личности. На деле же это было освобождением личности от космологической слепой зависимости, наделением ее своей душой. Но освобождение человека от механической (вещной) включенности в природу (в Космос) тут же включало его в другую систему – в положение ответственности перед Божеством за свое нравственное самоопределение. <...> Это открывало широкую дорогу для личностного поведения, а вместе с этим и для личного спасения»⁴⁷.

На место слепого Рока новая вера ставила Предопределение, Провидение: это предвидение Богом того, что произойдет, но то, что должно произойти, совершается при участии людей. Радостные события с христианской точки зрения стали объясняться волей Божией, а горестные, «злые» – попусшением Божиим, дозволением злу прийти в мир, так сказать, в педагогических целях: чтобы наказать за грехи и обратить помыслы согрешивших к покаянию.

Люди древности, которым было свойственно мифологическое сознание, не воспринимали время как поступательное и необратимое движение. В праславянском языке слово «время» звучало иначе, чем в Древней Руси и в современном русском языке: *vertmen. (Звездочка перед словом означает, что оно неизвестно в письменных памятниках или говорах, а является плодом лингвистической реконструкции.) Слово это однокоренное с такими словами,

⁴⁷ Вагнер Г. К., Владышевская Т. Ф. Искусство Древней Руси. М., 1993. С. 20–22.

как «веретено», «вертеться», «вращаться», «поворачиваться». Время – это то, что вертится, это круговое, циклическое движение. Не случайно в праславянском языке слова «начало» и «конец» были однокоренными: всякое начало содержит в себе собственный конец, а конец напоминает о начале. Начало и конец – это как две зарубки на круге времени.

Христианство открыло линейное время, направленное из прошлого в будущее. На этой стреле времени есть уникальные, неповторимые события: сотворение мира, союз, заключенный Моисеем с Богом, рождение, смерть и воскресение Христа, конец света и Страшный суд. Мир представлялся совсем юным, всё его существование можно было охватить мысленным взглядом. Его жизнь была, конечно, намного длиннее жизни любого человека, но они были соизмеримы. Согласно господствовавшему летоисчислению, пришедшему на Русь после ее крещения из Византии, мир был сотворен Богом в 5508 году до нашей эры – всего лишь несколько тысячелетий назад, а не возник за миллиарды лет до нас, как считает современная наука, которая полагает, что даже не Вселенная, а одна только Земля, довольно молодая ее частица, существует уже четыре с половиной миллиарда лет. Образованный человек русского Средневековья мог без особого труда перечислить потомков Адама до плотника Иосифа, нареченного мужа Девы Марии, матери Христа. Авраам был праправнуком Ноя, который принадлежал к девятому поколению потомков первого человека Адама. От Авраама до Иосифа насчитывалось сорок поколений, четырнадцать поколений насчитывается в евангельском родословии Иисуса Христа (Евангелие от Матфея, глава 1, стих 17) – столько «ступеней» отделяет на этой генеалогической лестнице праотца Авраама от израильского царя пророка Давида. Таким образом, к древнему прошлому можно было почти прикоснуться рукой.

Мир и время с приходом новой веры начали переживаться как уютные, созданные для человека. По библейскому сказанию, первый человек был создан в шестой день сотворения мира. Создана же Вселенная была всего за неделю – за семь дней. Точнее, за шесть – седьмой день Бог отдыхал от своих трудов. Семь дней творения повторялись в неделе, или, как ее называли в Древней Руси, седмице. А «неделей» именовалось воскресенье – как праздничный день, когда ничего не делают, отдыхают. Ритм творения мира повторялся в ритме повседневной жизни – от понедельника до праздничной «недели» – даже если понимать библейские семь дней создания космоса не буквально.

Но и само существование мира, само его бытие тоже должно было длиться семь дней. Конечно, это были не обычные дни. Каждый день приравнивался к тысяче земных, человеческих лет, потому что в библейской книге Псалтирь было сказано: «Прежде нежели родились горы, и Ты образовал землю и вселенную, и от века и до века Ты – Бог. Ты возвращаешь человека в тление и говоришь: “возвратитесь, сыны человеческие!” Ибо пред очами Твоими тысяча лет, как день вчерашний, когда он прошел, и как стража в ночи» (псалом 89, стихи 3–5). По современному летоисчислению конец света приходился на 1492 год. Год этот ждали со страхом и трепетом. Лишь до этого года дописывали пасхалии – таблицы расчета дней празднования Пасхи: зачем считать дальше, если на этом время закончится, остановится. До «седьмотысячного» года в дни детства, отрочества и юности Нестора было еще далеко. Нестор появился на свет спустя несколько десятилетий после начала второй половины последнего тысячелетия – после 6500-го, то есть 992 года. Впереди было начало второго века этой половины – 6600 год, а по нашему счету 1092-й. Начало христианской истории Руси, наполняющее душу радостью, было для Нестора совсем рядом, на расстоянии протянутой руки. Недалеко было и ее завершение, рождающее тревогу. Возможно, будущий прославленный книжник чувствовал себя средоточением, звеном между началом и завершением христианской истории Руси, свидетелем великих перемен⁴⁸.

⁴⁸ См. исследования, в которых (с разной степенью категоричности и гипотетичности) проводится идея об актуальности ожидания конца света на Руси во второй половине XI – начале XII века: *Данилевский И. Н.* Замысел и название Повести

Во вступлении к Житию Феодосия Печерского Нестор напишет: «И вот что дивно: ведь как пишется в книгах святых отцов: “Ничтожен будет последний род”; а сего Христос и в последнем роде сделал своим сподвижником и пастырем иноков, ибо с юных лет отличался он безупречной жизнью, добрыми делами, но особенно – верою и разумом»⁴⁹. А в «Чтении о Борисе и Глебе» он назовет «последними» времена, в которые была крещена Русь, жили два брата-мученика и он сам⁵⁰. Впрочем, видеть в этих выражениях проявление напряженного эсхатологизма, скорее всего, не стоит. Известный филолог и светский богослов С. С. Аверинцев напомнил: «На литургическом языке Православия уже о временах земной жизни Христа говорится как о “последних”, и ни одного здравомысленного верующего это не смущает, хотя по человеческому счету с тех пор прошли два тысячелетия (и пройдет столько тысячелетий, или годов, или только дней, сколько Богу будет угодно). Мы уже очень давно – “эсхатон”»⁵¹.

Такое осмысление понятия «последний» известно оригинальной древнерусской книжности. В тексте Пространной редакции Жития князя Михаила Ярославича Тверского есть такие строки: «В последняя бо лѣта Господь нашъ Исус Христос, слово Божие, родися от Пречистыя дѣвы Марія Богородица и приять страсть, исправляя падения рода нашего, и въскресе въ третій день, и възнесся на небеса в день пятидесятный»⁵².

С принятием христианства на Руси время оказалось противопоставлено вечности – бытию вне движения, вне изменения. Ведь именно движение, перемены свойственны времени. Вечен Бог, существовавший до времени (ведь он и создал время вместе с материальным миром) и существующий вне времени. Вечное новое бытие наступит после второго пришествия Христа и Страшного суда. Явятся «новое небо и новая земля» и Небесный Иерусалим: «И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет. И я, Иоанн, увидел святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего... И смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло. И сказал Сидящий на престоле: се, творю все новое»; «И ночи не будет там, и не будут иметь нужды ни в светильнике, ни в свете солнечном, ибо Господь Бог освещает их; и будут царствовать во веки веков» (Откровение Иоанна Богослова, глава 21, стихи 1–5, глава 22, стих 5).

Христианство открывало глубинную связь событий истории: деяния и происшествия недавнего прошлого и настоящего раскрывались как подобие, неполное повторение, «эхо» давних событий – прежде всего относящихся к Священной истории, библейских, которые выступали в роли модели и прообраза. Так, убийство Святополком Окаянным братьев Бориса и Глеба, случившееся в 1015 году⁵³, воспринималось как вариация первого убийства на земле, описан-

временных лет // Отечественная история. 1995. № 5. С. 101–109; Gippius A. Millennialism and Jubilee Tradition in Early Rus' History and Historiography // Ruthenica. Т. 2. Київ, 2003. С. 159–164; Гиппиус А. А. Два начала Начальной летописи: к истории композиции Повести временных лет // Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова / Отв. ред. А. М. Молдован. М., 2006. С. 82–83; Карпов А. Ю. Об эсхатологических ожиданиях в Киевской Руси в конце XI – начале XII века // Отечественная история. 2002. № 2. С. 13; Андрейчева М. Ю. Образы иноверцев в Повести временных лет. СПб., 2019. 133–152. О «юбилейных» датах в «Повести временных лет» см. также: Гиппиус А. А. 6700 год от сотворения мира: Отмечались ли юбилеи в Древней Руси // Родина. 2002. № 11–12. С. 102–106. Для эсхатологических настроений XI века иногда ищется даже дохристианская основа; см.: Громов Д. В. Образ «эсхатологического нашествия» в восточнославянских поверьях в древности и современности // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 20–42.

⁴⁹ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1: XI – начало XII века. СПб., 1997. С. 353–355. Перевод О. В. Творогова.

⁵⁰ Revelli G. Monumenti letterari su Boris e Gleb. Литературные памятники о Борисе и Глебе. Genova, 1993. Р. 610, стб. 91a.

⁵¹ Аверинцев С. С. Собрание сочинений / Под ред. Н. П. Аверинцевой и К. Б. Сигова. София – Логос. Словарь. Киев, 2006. С. 742.

⁵² Кloss Б. М. Избранные труды. М., 2001. Т. 2: Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI веков. С. 189, лл. 211об. – 212.

⁵³ Я придерживаюсь традиционной версии, согласно которой Борис и Глеб были убиты в 1015 году, а их губителем был князь Святополк, позднее прозванный Окаянным. Ставшая в последнее время популярной версия (основанная на тенденциозном прочтении скандинавской Пряди об Эймунде и немецкой латиноязычной Хроники Титмара Мерзебургского), что Борис или оба брата были убиты по приказанию Ярослава Мудрого, не представляется мне обоснованной. См. в моих книге

ного в 4-й главе ветхозаветной Книги Бытия – преступления Каина против брата Авеля. А крещение Руси князем Владимиром Святославичем уподоблялось христианизации Римской империи при Константине Великом в начале IV века; сам Константин в свой черед сравнивался с апостолами – учениками Христа и проповедниками новой веры, именовался равноапостольным – потом так стали называть и Владимира. Открывая для себя это сходство, такие переключки прошлого и настоящего, юный Нестор, наверное, испытывал то радостное чувство преемственности, связи между собой и миром, осмысленности истории, которое пережил Иван Великопольский – персонаж чеховского рассказа «Студент»: «И радость вдруг заволновалась в его душе, и он даже остановился на минуту, чтобы перевести дух. Прошное, – думал он, – связано с настоящим непрерывною цепью событий, вытекавших одно из другого. И ему казалось, что он только что видел оба конца этой цепи: дотронулся до одного конца, как дрогнул другой».

В романе Бориса Пастернака «Доктор Живаго» дядя главного героя философ Веденяпин замечает, как христианство изменило мировидение людей: после прихода Христа в мир человек «умирает не на улице под забором, а у себя в истории, в разгаре работ, посвященных преодолению смерти, умирает, сам посвященный этой теме». В этом смысле история начинается с Христа. И христианин во втором и третьем поколении Нестор, чуткий к ее движению и сущности, должен был ощущать и понимать это особенно остро и ярко. В позднейшие века, в зрелое и позднее Средневековье, такое восприятие времени и истории станет (по крайней мере для образованных людей) данностью, аксиомой. Для отрока Нестора оно еще было притягательно своими свежестью, новизной, должно было восприниматься им как счастливый дар и вместе с тем почти как награда за личный выбор: ведь язычество – не отдельные пережитки: обряды и суеверия, а еще живой взгляд на мир – обитало рядом, окружало его в молодые годы. Даже спустя двадцать лет или большее время после появления Нестора на свет⁵⁴ один кудесник-волхв смог соблазнить весь Новгород – на стороне епископа, то есть Христовой веры, остались лишь новгородский князь и дружина: чародей «разговаривал с людьми, притворяясь богом, и многих обманул, чуть не весь город, разглагольствуя, будто наперед знает всё, что произойдет, и, хуля веру христианскую, он говорил ведь, что “перейду Волхов на глазах у всех”. И замутился весь город, и все поверили в него, и собирались убить епископа. Епископ же, с крестом в руках и в облачении, вышел и сказал: “Кто хочет верить волхву, пусть идет за ним, кто же истинно верует, пусть тот к кресту идет”. И люди разделились надвое: князь Глеб и дружина его пошли и стали около епископа, а люди все пошли и стали за волхвом. И начался мятеж великий в людях»⁵⁵.

Можно сомневаться в том, что летописец точно передал похвальбу волхва: в изложении книжника он, готовый повторить чудо Христа – хождение по водам, больше напоминает антихриста, чем язычника. Однако сохранение на Руси, особенно в глуши, многобожия в середине XI века бесспорно: например, жившие на ее восточных землях воинственные вятичи признали новую веру лишь к середине следующего столетия. Печерский монах Кукша за проповедь им

и статье: Ранчин А. М. Борис и Глеб. М., 2013 (серия «Жизнь замечательных людей». Вып. 1630 (1430)). С. 169–182; *он же*. К вопросу о памятниках Борисоглебского цикла как исторических источниках // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 20. М., 2021. С. 85–119.

⁵⁴ Рассказ о новгородском волхве содержится в подборке сказаний о волхвах, входящей в состав статьи «Повести временных лет» под 6579 (1071) годом. Но это событие может и не относиться именно к 1071 году; летописец, по-видимому, объединил под одним годом события нескольких лет. Историю о волхве, смутившем Новгород, книжник вводит словами: «Такой волхв явился при князе Глебе в Новгороде», очень неопределенно указывающими на время события. – Повесть временных лет. Ч. 1. С. 321. Глеб Святославич княжил в Новгороде с неизвестного времени по 1078-й или 1079 год. Обычно начальным годом его новгородского княжения считают 1069-й, когда Глеб разгромил под Новгородом Всеслава Полоцкого (ср.: Полное собрание русских летописей. Т. 3. С. 17), но М. Х. Алешковский доказывает, что оно могло начаться еще в 1065 году и что Глеб точно правил здесь в 1067-м; см.: Алешковский М. Х. Повесть временных лет: Из истории создания и редакционной переработки / Отв. ред. Ф. Б. Успенский. М., 2015. С. 120. Бунт, поднятый кудесником, М. Х. Алешковский относит к 1076–1077 годам (Там же).

⁵⁵ Повесть временных лет. Ч. 1. С. 321.

христианства поплатился жизнью. Некоторые ученые считают, что в отдельных местах на Руси еще в XIII веке совершались человеческие жертвоприношения, хотя эта точка зрения, основанная на интерпретации данных археологии, спорна⁵⁶.

Так или иначе, для Нестора в его юные годы христианство было верой новой – не только в значении «небывалой», но и в значении «недавно принятой».

Помимо «большого» времени, выходящего за пределы жизни человека, но на него влияющего, для человека значимо и время «малое» – историческое время его детства, отрочества, юности. Ранние годы Нестора выпали, вероятно, либо на самый конец, либо на вторую половину правления Ярослава Мудрого – сына крестителя Руси, сводного брата Бориса и Глеба.

Князь Ярослав правил Киевской землей и большинством остальных русских земель с 1019-го по февраль 1054 года, до своей кончины. С 1036 года, после смерти брата Мстислава, князя Черниговского и Тмутараканского, он был единовластным правителем всей Руси за исключением Полоцкого княжества. При нем (согласно «Повести временных лет», это произошло в 1036 году) были сокрушены степные хищники печенег, воздвигнуты новые киевские стены с каменными Золотыми воротами, названными во образ и подобие Золотых ворот Константинополя – триумфальных ворот, через которые входили в город византийские императоры-победители. При Ярославе был воздвигнут и украшен мозаиками и фресками грандиозный и великолепный тринадцатикупольный храм Святой Софии, названный в подражание величайшей церкви христианского мира – Софии Цареградской. В его правление прекратились междоусобицы. Умирая, князь велел сыновьям во всем слушаться старшего, Изяслава, которому передал стольный Киев. Завещание Ярослава было включено в летопись под 1054 (6564) годом: «Еще при жизни своей он дал завещание сыновьям своим, сказав им: “Вот я покидаю мир этот, сыны мои; живите в любви, потому что все вы братья, от одного отца и одной матери. И если будете жить в любви друг к другу, Бог будет с вами и покорит вам врагов ваших. И будете мирно жить. Если же будете в ненависти жить, в распрях и междоусобицах, то погибнете сами и погубите землю отцов своих и дедов своих, которую они добыли трудом своим великим, но живите в мире, слушаясь брат брата. Вот я поручаю заместить меня на столе моем, в Киеве, старшему сыну моему и брату вашему Изяславу; слушайтесь его, как слушались меня, пусть он заменит вам меня; а Святославу даю Чернигов, а Всеволоду Переяславль, а Игорю Владимир (южный), а Вячеславу Смоленск”. И так разделил он между ними города, запретив им переступать предел братний и сгонять (один другого со стола), сказал Изяславу: “Если кто захочет обидеть брата своего, ты помогай обижаемому”. И так завещал он сыновьям своим жить в любви. <...> Приспел конец жизни Ярослава, и отдал он душу свою Богу в первую субботу Федоровского поста. Всеволод же убрал тело отца своего, возложив на сани, отвез его в Киев, в сопровождении попов, певших положенные песнопения. Оплакивал его народ; и, принеся, положили его в гроб мраморный в церкви святой Софии. И оплакали его Всеволод и все люди. Прожил же (Ярослав) полных 76 лет»⁵⁷.

Так сложился триумвират Ярославичей – система власти, в которой главные роли принадлежали трем старшим сыновьям Ярослава Мудрого: Изяславу Киевскому, Святославу Черниговскому и Всеволоду Переяславскому. Двое младших – Игорь, княживший во Владимире на Волыни, на юго-западе Руси, и Вячеслав, державший Смоленск, решающего значения не имели, к тому же оба они рано умерли. Есть основания предполагать, что в завещании Ярослава был впервые провозглашен сеньорат – принцип старшинства как основа организации власти

⁵⁶ Ср. обзор точек зрения: Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне: (Историко-филологические исследования). М., 2009 (Древнейшие государства Восточной Европы. 2007 г.). С. 408; Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры. Т. 1: Древняя Русь / Сост.: А. Д. Кошелев, В. Я. Петрухин. М., 2000. С. 288; он же. «Русь и все языки»: Аспекты исторических взаимосвязей: Историко-археологические очерки. М., 2011. С. 209–210; Русанова Н. П., Тимошук Б. А. Языческие святилища древних славян / Под ред. С. А. Плетневой. 2-е изд., испр. М., 2007. С. 125–140.

⁵⁷ Повесть временных лет. Ч. 1. С. 308.

и отношений между князьями. (Пример святого Бориса, о покорности которого Святополку Окаянному рассказывается в Борисоглебских житиях, в том числе в Несторовом «Чтении», видимо, не отражал древнюю норму, а формулировал норму новую, основанную на ветхозаветном принципе.) Впрочем, выделение еще воинственным Святославом Игоревичем Киева Ярополку, который был, по-видимому, старшим из его сыновей^[16], и возведение Владимиром Святославичем на важнейший после киевского новгородский стол старшего отпрыска Вышеслава (умершего в 1008 году) как будто бы свидетельствуют, что идея старшинства складывалась или сложилась раньше⁵⁸. Установленные Ярославовым завещанием отношения при верховенстве старшего киевского князя Изяслава оставались нерушимыми до 1073 года, когда второй Ярославич Святослав, вступив в сговор с третьим, Всеволодом, изгнал Изяслава из Киева. Нестор, вероятно, видел в завещании Ярослава основу благополучия и мира в Русской земле и дорожил принципом старшинства. Его произведения об этом свидетельствуют.

Мы не знаем, в какой год будущий автор Жития Феодосия и вероятный составитель «Повести временных лет» пришел в этот мир. Но можем предположить, что новорожденного, видимо, крестили на восьмой день. О существовании этого обычая уже в XI веке свидетельствует Несторово Житие Феодосия: именно на восьмой день таинство крещения было совершено над будущим печерским подвижником⁵⁹. Позднейший обычай при принятии монашества (малой схимы, а затем, еще раз, великой) требовал смены имени. Но так ли было в Древней Руси? Историк Русской Церкви Е. Е. Голубинский понимал известие Нестора о том, что священник при крещении нарекает печерского святого Феодосием, как недостоверное. Он полагал, что книжник либо не знал крестильного имени печерского игумена, либо умолчал о нем, потому что предпочел обыграть значение греческого имени Феодосий («врученный, дарованный Богу»): священник крестит младенца с этим именем, прозревая его великое будущее основателя русского монашества⁶⁰. Однако, по-видимому, обычай наречения нового имени при монашеском постриге в те времена, как, впрочем, порой и позднее, не был обязательным. Другой печерский монах, князь Никола (с княжим, языческого происхождения, именем Святослав, или Святоша), судя по всему, принял постриг, сохранив крестильное имя⁶¹. Но даже если предположить, что нашего героя нарекли Нестором еще при крещении, назвать месяц и день совершения обряда и, соответственно, день его рождения не получится: во-первых, в те времена не обязательно давали имя одного из святых, чью память праздновали в день крещения, а во-вторых, в церковном календаре есть (и был) целый ряд святых с этим именем, память которых приходится на разные дни и месяцы церковного года. Если же имя Нестор было дано ему при постриге, то узнать день, в который это произошло, невозможно по той же самой причине: хотя в те времена новое давалось постригаемому в монахи по имени одного из святых, празднуемых в день совершения обряда⁶², Несторов в святцах несколько, и дни празднования их памяти не совпадают. Возможно, наш герой был крещен в память мученика Нестора (день памяти 27 октября старого стиля) – ученика святого Димитрия Солунского. Юноша Нестор победил в поединке Лия, любимого бойца императора-язычника Максимиана и был за испове-

⁵⁸ Так трактует эти события М. Б. Свердлов; см.: *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII вв. СПб., 2003. С. 440. Но есть и иные мнения. О проблеме старшинства, о том, существовал или нет такой династический принцип на Руси до середины XI века, см.: *Ранчин А.* Борис и Глеб. М., 2013. С. 122–131.

⁵⁹ См.: Библиотека Древней Руси. Т. 1. С. 354 (оригинал), 355 (перевод).

⁶⁰ *Голубинский Е. Е.* История Русской церкви. Т. I. Вторая половина тома. С. 574, прим. 1.

⁶¹ См. об этом: *Успенский Б. А., Успенский Ф. Б.* Иноческие имена на Руси. М.; СПб., 2017. С. 30–32, 82–99. Ср. более раннее напоминание В. И. Склярука: «В церковной практике во все времена известны случаи сохранения мирского имени по желанию постригаемого или монастырского начальства» – *Склярук В. И.* К биографии Феодосия Печерского // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР. Т. XLI. Л., 1988. С. 319.

⁶² Этот обычай сохранялся на Руси до XV века; см.: *Успенский Б. А., Успенский Ф. Б.* Иноческие имена на Руси. С. 101–103.

дание христианской веры казнен по приказу царя – гонителя христиан⁶³. В таком случае древнерусский книжник мог тоже видеть в себе борца за веру, но орудием своим считал не руку и не оружие воина, а перо.

Зато с определенной долей уверенности можно назвать среду, к которой принадлежали родители Нестора Летописца. Нестор был действительно для своего времени высокообразованным книжником. И «Чтение о Борисе и Глебе», и Житие Феодосия Печерского свидетельствуют об отличном знании автором переведенных с греческого житий; обыгрывание значения Феодосиева имени – о знакомстве с греческим языком, как и грецизм «кафоликани иклисиа»^[17] («вселенская церковь») в «Чтении»⁶⁴. Автор этих житий, конечно, совершенствовал свои знания и усердно читал книги, став монахом, но можно согласиться с предположением М. Д. Присёлкова, что он выделялся образованностью уже при вступлении в печерскую братию. Но кто мог тогда получить еще в юные лета хорошее образование? Конечно, человек, родившийся в знатной, боярской семье, или сын княжеского чиновника или священнослужителя. Не только образованность, но даже элементарная грамотность, особенно в первые десятилетия после крещения Руси, была, очевидно, достоянием весьма тонкого слоя общества. (Ситуация не изменилась принципиально ни в Московской Руси, ни – в общем и целом – в императорской России.) Как будто бы это утверждение опровергают многочисленные берестяные грамоты, найденные за последние семьдесят лет в культурном слое Великого Новгорода. Однако число их, превысившее тысячу, не покажется столь значительным, если учесть, что они были написаны на протяжении примерно пятисот лет. Кроме того, у целого ряда этих древнерусских писем и записок повторяются как авторы, так и адресаты. Да, найдены, вероятно, лишь крупницы из древненовгородского эпистолярия на бересте. Но всё же было бы весьма рискованно говорить о почти всеобщей грамотности Господина Великого Новгорода.

Владимир Святославич, крестив Русь, попытался создать школы. «Повесть временных лет» под 6496 (988) годом свидетельствует: «Посылал он собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное». Однако это новшество вызвало отторжение и неприятие: «Матери же детей этих плакали о них; ибо не утвердились еще они в вере, и плакали о них, как о мертвых»⁶⁵. Почему женщины так восприняли обучение сыновей? Вовсе не потому, что все они были похожи на фонвизинскую госпожу Простакову, оберегавшую свое чадо Митрофана от тяготы учения и лишь скрепя сердце нанявшую ему учителей. Князь Владимир, видимо, готовил из отданных в учение детей будущих священнослужителей: своего духовенства еще не было, пришлые греки не могли окормить огромное число новокрещеных русичей, да и славянский язык знали, конечно, не все. Повеление князя было обращено к «лучшим людям», то есть к знати. Будущее превращение сыновей в священнослужителей матери должны были воспринять как урон чести и достоинству рода: сыну боярина подобало быть боярином, сыну воеводы – водить полки, а не отправлять церковные службы. Тем не менее князь постарался дать образование именно отпрыскам «лучших людей», а не чадам людей простых.

Е. Е. Голубинский полагал, что задача Владимира была иной: «...чтобы с этого первого поколения христианских детей водворилось в боярстве или в аристократии просвещение». По мнению историка, «невозможно предполагать, будто дети бояр набраны были для ученья книжного с тою целью, чтобы приготовить их во священники». Аргументы ученого таковы: «Во-пер-

⁶³ См. о нем в переводном Житии Димитрия Солунского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 2: XI–XII века. СПб., 1999. С. 178–181.

⁶⁴ См.: Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Приготовил Д. И. Абрамович. Пг., 1916. С. 19, л. 108в (Памятники древнерусской литературы. Вып. 2). Возможно, это свидетельство использования Нестором какого-то текста на греческом языке, посвященного Борису и Глебу. См. об этом: Айдалов Д. В. Очерки и заметки по истории древнерусского искусства. IV. Миниатюры «Сказания» о свв. Борисе и Глебе Сильвестровского сборника // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1910. Т. XV. Кн. 3. С. 42.

⁶⁵ Повесть временных лет. Ч. 1. С. 280.

вых, для священства нисколько не были необходимы именно дети бояр, а между тем они нужны были самому князю для его собственной службы: с какой же бы стати он решился пожертвовать ими? Во-вторых, предполагать, чтобы бояре захотели отдать своих детей в священники – значило бы то же, что предполагать, будто они имели охоту сделать детей своих из бояр пролетариями и париями, ибо это именно были священники в сравнении с боярами»⁶⁶.

Согласиться с этими соображениями сложно. Владимир едва ли собирался всех детей знати превратить в священнослужителей, но отчаяние матерей свидетельствует именно о том, что они опасались за детей, а чего они могли бояться, если не превращения сыновей в «пролетариев и парий»? Повеление отдать в книжное учение отпрысков знатных людей имело целью, по-видимому, повысить социальное положение духовенства, которое обученные боярские дети и должны были составить.

Владимир, видимо, создавал государственные школы. Эта идея не прижилась. На протяжении всей позднейшей истории Древней Руси и отчасти даже более поздней государственных школ не было. Те, кто хотел хотя бы постичь грамоту, обучались у священнослужителей. Но это было частное, а не государственное дело⁶⁷. В общественных верхах необходимость образования была вскоре признана: и требования со стороны власти, и, главное, вызовы самой жизни этому способствовали: понимание новой веры, основанной именно на книгах, дипломатические и административные дела, дела торговые были затруднительны без грамоты. Образованность в верхах приобрела высокий культурный статус: не случайно князь Владимир Мономах в своем «Поучении» с гордостью писал об отце, князе Всеволоде Ярославиче, знавшем пять языков. Конечно, не каждый князь был таким полиглотом (иначе сын бы об этом не упомянул). Но быть необразованным становилось «некрасиво».

В низах же не только образованность, но и простая грамотность, очевидно, распространены не были. Антоний, будущий основатель Печерской обители и ее духовный глава, выходец из города Любеча под Киевом, вероятно, не выучил грамоту ни в миру, ни даже в монастыре. Он не постригал в монахи новоприходящих, а поручал это монаху Никону: видимо потому, что, будучи «некнижным», не мог быть возведен в сан священника – а постригать в монахи имел право только священник. Е. Е. Голубинский, высказавший это предположение, усматривал в неграмотности черноризца свидетельство его происхождения «более из мещано-крестьянства, чем из боярства»⁶⁸.

⁶⁶ Голубинский Е. Е. История Русской церкви. Т. 1. Первая половина тома. С. 704.

⁶⁷ В «Повести временных лет» под 1037 годом сообщается о сыне Владимира Ярославе Мудром: «И <...> церкви ставил он по городам и иным местам, поставляя попов и давая им из своей казны плату, веля им учить людей, потому что это поручено им Богом, и посещать часто церкви». – Повесть временных лет. Ч. 1. С. 303. В этих строках иногда видят свидетельство учреждения школ (см., например: Гимон Т. В. Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М., 2012. С. 39), причем с государственной поддержкой. Однако из этого известия, строго говоря, не следует, что священники должны были учить людей грамоте, а не просвещать их проповедями христианской веры. Плата священникам может быть именно формой поддержки духовенства, а не школ. Впрочем, свидетельство Новгородской четвертой летописи под 6538 (1030) годом о повелении Ярославом Мудрым собрать «отъ старость и отъ поповъ дѣтеи 300 учити книгамъ» как будто бы говорит именно о создании школы. – Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Императорскою Археографическою комиссиею. Т. 4. Ч. 1: Новгородская четвертая летопись. Вып. 1. Пг., 1915. С. 113, л. 63. Если под старостами подразумеваются представители городской администрации, то это значит, что князь стремился дать образование не только будущим священнослужителям, но и чиновникам. Так или иначе, но считать эту и ей подобные школы «духовными семинариями» и тем более представлять, будто на Руси в XI–XII веках были даже высшие школы, в том числе так называемая Академия Ярослава (см.: Грушевський М. С. Три академії (1931) // *он же*. Твори: У 50 т. Т. 10. Кн. 1 / Упор. О. Юркова. Львів, 2015. С. 409–412; Вернадский Г. В. Киевская Русь (1948) / Пер. с англ. Е. П. Беренштейна, Б. Л. Губмана, О. В. Строгановой; под ред. Б. А. Николаева. Тверь; М., 1999. С. 90, 299–301), нет оснований. Свидетельство самого Нестора о Феодосии Печерском: «попросил он отдать его учителю поучиться божественным книгам, что и сделали» (Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1: XI–XII века. СПб., 1997. С. 357, перевод О. В. Творогова) – тоже не доказывает существования на Руси в XI веке школы как устоявшегося института: в роли наставника мог выступить и какой-то священнослужитель, формально не являвшийся педагогом.

⁶⁸ Голубинский Е. Е. История Русской церкви. Т. 1. Вторая половина тома. С. 570, прим. 1.

В Житии Феодосия Печерского содержится косвенное свидетельство любви к книгам, которую с детства питал автор. Историк Г. П. Федотов заметил: «Нестор не повторяет вслед за Афанасием Великим, автором жития Антония, что его святой, избегая детского общества, не пожелал учиться наукам. Напротив, Феодосий сам желает “даться на учение божественных книг единому от учителей... и вскоре извыче вся грамматикия”, вызывая общее удивление “премудростью и разумом” своим. <...> Под “грамматикией” автор, конечно, понимает элементы грамматического (то есть литературного) образования. Древняя агиография знает два типа отношения к науке. Антонию Великому противопоставляется Иоанн Златоуст и Евфимий, оба усердные и даровитые ученики. Если Нестор следует образцам, то он выбирает среди них, и в данном случае его выбор согласен с жизнью»⁶⁹.

Скорее всего, Феодосий действительно еще в детстве проявил любовь к чтению и получил хорошее образование. Однако автор Жития не был собеседником святого, а черпал сведения о нем из рассказов монахов, знавших Феодосия, в том числе сохранивших известия, рассказанные его матерью. (Об этом пишет сам Нестор.) Однако если мать святого поведала о жестоких ссорах с сыном, о препонах, которые она чинила ему в намерениях уйти в монастырь (что было из ряда вон выходящим), то едва ли она сообщала о любви к чтению и об обучении чада в юные годы: эти качества все-таки не были исключительными. Скорее известия о постижении книжной мудрости Феодосием принадлежат Нестору, взяты из житийных образцов. В таком случае это свидетельство особой любви к книге не Феодосия, а его биографа. Деталь портрета не героя, а самого художника.

Происходил ли Нестор из боярской семьи, был ли сыном княжеского чиновника, как Феодосий Печерский, или священнослужителя, неизвестно. Особенное внимание, проявленное автором Жития Феодосия к судьбам печерских постриженников Варлаама, ставшего первым игуменом обители на днепровском холме, и Ефрема – один был сыном боярина, а другой – приближенным князя, – как будто бы позволяет предположить, что отец книжника тоже был знатным человеком или что сам автор Жития был близок к князю. Однако реальных оснований для такой догадки нет: рассказы о Варлааме и Ефреме Нестор включил в свой текст потому, что они, как и Феодосий, пришли в монастырь, преодолев серьезные препоны: герой Жития – запрет материнский, Варлаам – отцовский, Ефрем – княжеский.

Большая, если не бо́льшая часть печерской братии происходила из верхов общества⁷⁰, что позволило современному исследователю назвать обитель «аристократическим монастырем» и отметить: «...в Печерский монастырь, спасая душу, уходили княжеские бояре и дружинники, участвовавшие в этой самой власти как исполнительный орган. Их захватывало христианство, и согласно принципам студийских киновий^[18] они желали нравственно воздействовать на власть имущих, часто с горьким осознанием собственных нарушений закона Божьего в прошлом»⁷¹. Но точных данных о происхождении всех монахов обители нет. Выходцами из знати – бывшими боярами, дружинниками – очевидно, была всё же не вся братия^[19].

Причины, по которым человек становится монахом, различны. Один из основателей христианского монашества, египетский подвижник Антоний Великий (IV век), согласно его Житию, решил оставить мирскую жизнь после долгих размышлений и под влиянием слов Христа, читаемых на богослужении: «...если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною» (Евангелие от Матфея, глава 19, стих 21). Феодосий Печерский, как писал о нем

⁶⁹ Федотов Г. П. Святые Древней Руси (1931) // он же. Собрание сочинений: В 12 т. Т. 8: Святые Древней Руси. М., 2000. С. 32.

⁷⁰ Помимо боярских сыновей, как Варлаам, первый игумен монастыря, выходцев из знати или богатых людей, как Феодосий, среди иноков был даже один князь из черниговской линии Рюриковичей – Святослав Давыдович (уменьшительное имя Святоша), в крещении и в монашестве Никола. Впрочем, он пришел в Печерскую обитель намного позже, в 1106 году.

⁷¹ Поллэ А. Студиты на Руси. С. 73, 59.

Нестор, с детства возлюбил Бога: на этот путь его направили и прочитанные книги, и глубоко воспринятые церковные службы. (Не исключено, что книжник описал выбор Феодосия, следуя как образцу Житию Антония Великого, отсылки к которому встречаются в написанном им Житии; однако именно в таком пути к Богу нет ничего неправдоподобного.) Патриарх Московский и всея Руси Никон принял постриг после того, как умерли его малолетние дети. Путь в монастырь, удаление от мира могли быть следствием долгих раздумий еще в отроческие или юношеские годы. А могли быть внезапным переломом, экзистенциальным откровением, духовным озарением, прорвавшим пелену рутинной, обыкновенной мирской жизни, как у героя пушкинского стихотворения «Странник» – переложения начала аллегорической поэмы английского писателя Джона Беньяна «Путь паломника»:

Однажды странствуя среди долины дикой,
Незапно был объят я скорбью великой
И тяжким бременем подавлен и согбен,
Как тот, кто на суде в убийстве уличен.
Потупя голову, в тоске ломая руки,
Я в воплях изливал души пронзенной муки
И горько повторял, метаясь как больной:
«Что делать буду я? Что станет со мной?»

Что подвигло на этот выбор Нестора, неизвестно. Его решение могло быть обдуманым в течение многих лет шагом, а могло – результатом каких-то потерь (близких, жены – если он был женат... ребенка – если у него был ребенок). В 1073 году был согнан с киевского златого «стола» братом Святославом при участии брата Всеволода князь Изяслав Ярославич, отправившийся искать управы на младших братьев сначала в Польшу, а потом в Германию. Если Нестор служил ему, то, исповедовавший принцип старшинства в качестве нерушимой нормы, он воспринял переворот как абсолютное зло и отказался продолжить службу при Святославе – и это событие могло стать последним мотивом, побудившим его оставить мир, который, по слову апостольскому, «лежит во зле» (Первое послание апостола Иоанна, глава 5, стих 19). Но ничего определенного о пути нашего героя из мира в монастырь, увы, неизвестно.

Зато с высокой мерой вероятности мы можем предположить, из какого славянского племени произошел его род и где книжник появился на свет. Во вступительной части «Повести временных лет» летописец проявляет особенное отношение только к одному из восточнославянских племен – полянам: «Все они (эти племена. – А. Р.) имели свои обычаи и законы своих отцов и предания, и каждые – свой нрав. Поляне имеют обычай отцов своих кроткий и тихий, стыдливы перед снохами своими и сестрами, матерями и родителями; перед свекровями и деверями великую стыдливость имеют; имеют и брачный обычай: не идет зять за невестой, но приводят ее накануне, а на следующий день приносят за нее – что дают. А древляне жили звериным обычаем, жили по-скотски, убивали друг друга, ели всё нечистое, и браков у них не бывало, но умыкали девиц у воды. А радимичи, вятичи и северяне имели общий обычай: жили в лесу, как звери, ели всё нечистое и срамословили при отцах и при снохах. И браков у них не бывало, но устраивались игрища между селами, и сходились на эти игрища, на пляски и на всякие бесовские песни и здесь умыкали себе жен по стовору с ними; имели же по две и по три жены. И если кто умирал, то устраивали по нем тризну, а затем делали большую колоду и возлагали на эту колоду мертвеца и сжигали, а после, собрав кости, вкладывали их в небольшой сосуд и ставили на столбах при дорогах, как делают и теперь еще вятичи. Этого же

обычая держались и кривичи и прочие язычники, не знающие закона божьего, но сами себе устанавливающие закон»⁷².

Поляне, как соблюдающие нравственный закон, хотя и не являющиеся христианами, соотнесены с китайцами и мифическими рахманами^[20], также не христианами, которым свойствен нравственный закон, написанный в сердце. Летописец, которым, вероятно, был именно Нестор, приводит обширную выписку из переводной византийской Хроники Георгия Амартола, или Георгия Грешного (IX век), где эти два народа противопоставлены остальным, в том числе мифическим, погрязшим в нечестивости:

«Говорит Георгий (Амартол) в своем летописании: “Каждый народ имеет либо письменный закон, либо обычай, который люди, не знающие закона, принимают как предание отцов. Из этих последних первые – сирийцы (правильно: китайцы. – А. Р.), живущие на краю света⁷³. Имеют они законом себе обычаи своих отцов: не заниматься любодеянием и прелюбодеянием, не красть, не клеветать или убивать и, особенно, не делать зло. Таков же закон и у бактриан, называемых иначе рахманами или островитянами. Эти по заветам прадедов и из благочестия не едят мяса и не пьют вина, не творят блуда и никакого зла не делают, имея великий страх Божий. Иначе – у соседних с ними индийцев. Эти – убийцы, сквернотворцы и гневливы сверх всякой меры; или – во внутренних областях их страны, где едят людей и убивают путешественников и даже едят как псы. Свой закон и у халдеян, и у вавилонян: матерей брать на ложе, блуд творить с детьми братьев и убивать. И всякое они бесстыдство творят, считая его добродетелью, даже если будут далеко от своей страны. Другой закон у гилий: жены у них пашут и созидают храмы, и мужские деяния совершают, но и любви предаются сколько хотят, не сдерживаемые своими мужьями и не стыдясь. Есть среди них и храбрые женщины и женщины умелые в охоте на зверей. Властвуют жены эти над мужьями своими и воинствуют, как и они. В Британии же несколько мужей с одною женою спят, и многие жены с одним мужем связь имеют и беззаконие как закон отцов совершают, никем не осуждаемые и не сдерживаемые. Амазонки же не имеют мужей, но как бессловесный скот однажды в году, близко к весенним дням, выходят из своей земли и сочетаются с окрестными мужчинами, считая то время как бы неким торжеством и великим праздником. Когда же зачнут от них в чреве, – снова разбегутся из тех мест. Когда же придет время родить, и если родится мальчик, то убивают его, если же девочка, то прилежно вскормят ее и воспитают”»⁷⁴.

Есть основания полагать, что и эта характеристика полян, и пространная цитата из Георгия Амартола принадлежат именно автору «Повести временных лет», а не заимствованы им из более ранней летописи. Согласно господствующему среди исследователей раннедревнерусского летописания мнению, восходящему к концепции А. А. Шахматова, летописный свод, предшествующий «Повести временных лет» и использованный ее составителем, частично сохранился в списках (в основном XV и XVI веков) так называемой Новгородской первой летописи^[21]. И там такого рассказа о полянах, в том числе и противопоставления их другим восточнославянским племенам, нет.

Правда, в этой летописи, как и в «Повести временных лет», упоминаются князь Кий, его братья и сестра Лыбедь, причем начало рассказа о них выглядит довольно странно: «Начало

⁷² Повесть временных лет. Ч. 1. С. 211.

⁷³ В приведенном переводе Д. С. Лихачева и Б. А. Романова слово «сирии» (греческое «серы») в летописной цитате из Георгия Амартола истолковано как «сирийцы», что абсурдно, так как сирийцы живут вовсе не на краю света; это народ, прекрасно известный византийцам – Сирия долгое время входила в состав империи. Ошибка перевода перешла в научные работы о «Повести временных лет»; ср., например: *Шайкин А. А.* Поэтика начал и концовок в тексте «Повести временных лет» // *он же.* Поэтика и история: На материале памятников русской литературы XI–XVI веков: учебное пособие. М., 2005. С. 180. В действительности «сирии» – это китайцы; ср. комментарий В. А. Матвеевко и Л. И. Щеголевой, в котором эта ошибка перевода указана: *Матвеевко В. А., Щеголева Л. И.* Временник Георгия Монаха (Хроника Георгия Амартола). Русский текст, комментарий, указатели. М., 2000. С. 359.

⁷⁴ Повесть временных лет. Ч. 1. С. 211–212.

земли Руской. Живяху^[22] кождо с родомъ своимъ на своихъ мѣстех и странахъ, владѣюща кождо родомъ своимъ. И быша^[23] три братия»⁷⁵. Далее следует повествование о Кии, Щеке и Хориве и об основании ими Киева. Предложение, начинающееся глагольным сказуемым «живяху» в старинной форме имперфекта, лишено смыслового субъекта: кто жил, кто этот «кождо» (каждый), непонятно. Не сказано, в каком племени княжили Кий и его братья, лишь в конце сказания появляется упоминание полян, причем поставлено оно так неудачно, что можно сначала понять, будто полянами назывались только Кий и его братья и сестра, а не всё обитавшее в Киеве и его окрестностях племя: «И бѣша мужи мудри и смысленѣ, нарѣчахуся Поляне, и до сего дне от них же суть кыянѣ; бяху же поганѣ, жруще озером и кладязем и рощениемъ, якоже прочии погани»⁷⁶. Переведем этот фрагмент, содержащий много устаревших форм или слов, на современный русский язык: «И были мужи мудрые и разумные, прозывались Поляне, и до нашего времени от них ведут род киевляне; были же они язычниками, принося жертвы озерам, и колодцам, и рощам, как и прочие язычники».

Так, может быть, в Новгородской первой летописи не отражен более ранний, летописный текст, чем «Повесть временных лет», а представлена более поздняя версия текста той же «Повести...», неуклюже отредактированная каким-то переписчиком-новгородцем?⁷⁷ И этот же новгородец, уязвленный тем, что в исходном тексте поляне противопоставлялись как жившие кротко и нравственно, другим восточнославянским племенам – «диким», «варварским» (получалось, что и его предкам – новгородским словенам!), взял да и сократил весь пассаж о добрых нравах полян, заменив его суровой оценкой: поляне такие же язычники, как все русичи до князя Владимира. Нечего, грубо говоря, «выпендриваться»!

Вроде бы логично. Из текста новгородской летописи при переписке когда-то выпало начало фразы, сохранившееся в «Повести временных лет»: «Подем же жившемъ особѣ и володѣющемъ роды своими». Однако текст «Повести временных лет» не выглядит в рассказе о Кие и его братьях более правильным и ясным: «Подем же жившемъ особѣ и володѣющемъ роды своими, иже и до сее братѣ бяху поляне, и живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ. И быша 3 братѣ»⁷⁸. То есть: «Поляне же жили в те времена отдельно и управлялись своими родами; ибо и до той братии (о которой речь в дальнейшем. – Д. Л.) были уже поляне и жили они родами на своих местах, управляясь каждые своим родом. И были три брата»⁷⁹. Летописец дважды почти дословно повторяет одно и то же выражение («володѣющемъ роды своими» и «владѣюще <...> родомъ своимъ»). А главное, упоминание о Кие, Щеке и Хориве «сее братѣ» ни к каким прежде упомянутым братьям не отсылает: о трех полянских князьях говорится не до, а после! Не случайно Д. С. Лихачев, перевод которого я цитировал, был вынужден внести в текст помету в скобках с литерами своих имени и фамилии (Д. Л.): без этого читатель оказывался совершенно обескураженным. Похоже, что это автор «Повести временных лет» решил отредактировать не очень ясный текст летописца-предшественника, подразумевавшего, видимо, роды, относящиеся к разным племенам. Нестор отнес все эти роды к одному племени полян и поспешил пояснить, что поляне –

⁷⁵ Полное собрание русских летописей. Т. 3. С. 104, л. 28. Текст по Комиссионному списку.

⁷⁶ Там же. С. 105, л. 28–28об.

⁷⁷ Такое утверждение, обоснованное отсутствием смыслового субъекта при слове «живяху», неоднократно высказывалось. См., например: *Соболевский А.* Древняя переделка Начальной летописи // Журнал Министерства народного просвещения. 1905. Ч. CCCLVIII. Март. Отдел наук (отд. 2). С. 102–103; *Алеиковский М. Х.* Повесть временных лет: Из истории создания и редакционной переработки. С. 89. Замечание А. И. Соболевского, что в предложении нет подлежащего, неточно – в его функции выступает местоимение «кождо». Отсутствие соотносительности в числе между подлежащим («кождо» – единственное число) и сказуемым («живяху» – множественное) часто в древнерусской письменности; ср. примеры с «кождо» (къждо, кождо): Материалы для словаря древнерусского языка по письменным источникам. Труд И. И. Срезневского. Т. 1: А – К. СПб., 1893. Стб. 1389.

⁷⁸ Повесть временных лет. Ч. 1. С. 12. Текст по Лаврентьевскому списку.

⁷⁹ Повесть временных лет. Ч. 1. С. 208.

это целое племя и прозывалось оно так задолго до Кия, Щека и Хорива. Поправил, увы, тоже не очень удачно... Из текста новгородской летописи при переписке когда-то выпало начало фразы, сохранившееся в «Повести временных лет»: «Подем же жившемъ особѣ и володѣющемъ роды своими», но из этого никак не следует, что текст «Повести...» первичен⁸⁰.

Так что фрагмент «Повести временных лет» о стыдливых и кротких полянах принадлежит именно ее составителю. По нему можно судить об этническом происхождении Нестора.

Известный лингвист и историк древнеславянских культур Н. И. Толстой, анализируя вступление «Повести временных лет», пришел к выводу: «Этническое самосознание Нестора Летописца следует рассматривать как довольно сложную и цельную систему, состоящую из иерархически упорядоченных компонентов. Каждый компонент в отдельности обнаруживается в биографии автора “Повести временных лет”. Автор был христианином, и этим определялся весь его жизненный подвиг, славянином, полянином, так как Киево-Печерский монастырь был духовным центром полян и Русской земли. Русская земля была его страной, государством, а киевские князья были его князьями. Изъятие из этой системы-лестницы хотя бы одного компонента нарушило бы общую картину и значительно изменило бы ее. У Нестора Летописца было религиозное сознание (христианское), общеплеменное (славянское), частноплеменное (полянское) и сознание государственное (причастность к Русской земле). Среднеплеменное сознание его – русское^[24] – еще созревало и не занимало ключевой, доминирующей позиции»⁸¹.

Соглашаясь с этой мыслью, я бы внес одно уточнение: Нестор сознавал себя полянином не потому, что подвизался в монастыре, находившемся в земле, некогда населенной полянами, а ныне преимущественно их потомками. Не потому, что этот монастырь располагался в городе, который в стародавние времена был якобы основан полянскими князьями Кием, Щеком и Хоривом. К тому времени, когда книжник писал «Повесть временных лет», то есть к началу XII века, племя (а точнее, племенной союз) полян уже слилось с другими восточнославянскими племенами и было живо лишь в исторической памяти⁸². Составитель «Повести временных лет»

⁸⁰ А. А. Шахматов, считавший текст из Новгородской первой летописи первичным по отношению к «Повести временных лет», тем не менее признавал, что в нем перед ним было предложение о полянах, как в «Повести...», и признавал, что фраза, начинающая рассказ о славянских племенах, «несколько поражает». – *Шахматов А. А.* Киевский Начальный свод 1095 года // *он же.* История русского летописания. Т. 1. Кн. 2. С. 459–460. См. также: *Творогов О. В.* Повесть временных лет и Начальный свод (текстологический комментарий) // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР. Т. XXX. Л., 1976. С. 6. А. А. Гippiус первоначально вслед за А. А. Шахматовым считал, что вступительная часть в Новгородской первой летописи точно передает предисловие Начального свода, которое было заменено в «Повести временных лет» пространном космографическим введением – описанием происхождения и расселения народов; см.: *Гippiус А. А.* К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. Вып. 6 (16). СПб., 1997. С. 52–54. Позднее (см. указанную ниже статью) он признал, что в каком-то виде космографическое введение имелось еще в летописном своде, предшествовавшем Начальному. В. Я. Петрухин полагает: необычное строение фразы из Новгородской первой летописи объясняется тем, что она построена по образцу описаний из перечня (так называемой Таблицы) народов в Библии (Ветхий Завет, Книга Бытия, глава 10, стихи 5, 31); см.: *Петрухин В. Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. Смоленск; М., 1995. С. 73–74. Это наблюдение принимает А. А. Гippiус; см.: *Гippiус А. А.* Два начала Начальной летописи: к истории композиции Повести временных лет // Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова / Отв. ред. А. М. Молдован. М., 2006. С. 71. Ср. также замечание: «Предполагаемый Начальный свод <...> подвергся перделкам в Новгородской летописи, что, видимо, привело к целому ряду последующих неясностей в летописном изложении»; «обе летописи использовали некий Начальный свод, но его текст подвергся трансформации и в Повести временных лет, и в Новгородской первой летописи». – *Петрухин В. Я.* Древняя Русь: Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры. Т. 1. С. 72–73. О редактировании сюжета о Кие и его братьях см. также: *Петрухин В. Я.* «Русь и вси языци»: Аспекты исторических взаимосвязей: Историко-археологические очерки. М., 2011. С. 147–156.

⁸¹ *Толстой Н. И.* Этническое самопознание и самосознание Нестора Летописца, автора «Повести временных лет» // Из истории русской культуры. Т. 1. С. 446.

⁸² Существует и мнение, что поляне не реальное восточнославянское племя, а плод творчества, конструкт летописцев; см.: *<Середонин С. М.>* Историческая география: лекции, читанные проф. С. М. Середониным в Императорском петроградском археологическом институте. Пг., 1916. С. 144–145; *Пресняков А. Е.* Лекции по русской истории. Киевская Русь (1915–1916) // *он же.* Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь / Подг. текста, статьи и примеч. М. Б. Свердлова. М., 1993. С. 276 (серия «Памятники исторической мысли»). Но большинство ученых его не принимают. См., например: *Седов В. В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. С. 101–110.

решительно отвергает версию о том, что Кий был не князем, а простым перевозчиком через Днепр – похоже, что в нашем герое здесь говорит племенной патриотизм: «Некоторые же, не зная, говорят, что Кий был перевозчиком; был де тогда у Киева перевоз с той стороны Днепра, отчего и говорили: “На перевоз на Киев”. Однако, если бы Кий был перевозчиком, то не ходил бы к Царьграду. А между тем, Кий этот княжил в роде своем, и ходил он к царю, – не знаем только, к какому царю, но только знаем, что великие почести воздал ему, как говорят, тот царь, при котором он приходил. Когда же он возвращался, пришел он на Дунай, и облюбывал место, и срубил небольшой город, и хотел обосноваться в нем со своим родом, но не дали ему близ-живущие. Так и доньше называют придунайские жители городище то – Киевец»⁸³.

Нестор, очевидно, считал себя полянином по происхождению. Поляне некогда жили в Киеве и его окрестностях, так что летописец, скорее всего, был уроженцем и жителем или «матери городов русских», или пригородов столицы^[25].

Нестор не оставил никаких свидетельств о своих детских и отроческих годах. Правда, в «Повести временных лет» под 6573 (1065) годом имеется выразительный рассказ, где в первый раз летописец говорит о себе и своих товарищах – «мы»: «В это же время ребенок был брошен в речку Сетомль; этого ребенка вытащили рыбаки в неводе, и мы рассматривали его до вечера, и опять бросили его в воду. Был же он таков: на лице у него были срамные части, об ином нельзя сказать срама ради. Перед тем и солнце изменилось и перестало быть светлым, но как луна стало, о таком солнце невежды говорят, что оно съедается. Подобные знамения бывают не к добру»⁸⁴.

Воображение готово нарисовать картину: юный Нестор и его товарищи, затаив дыхание, таращат глаза на жуткую диковину, выловленную в киевской речке... Но рассказ может принадлежать перу и более раннего летописца, труд которого Нестор мог продолжать. Этого рассказа нет в Новгородской первой летописи младшей версии (младшего извода), которая, как иногда считают, частично сохранила более раннее историческое повествование, чем Несторова «Повесть временных лет». Однако в новгородской летописи нет и рассказа «Повести временных лет» под 6599 (1091) годом об обретении и перенесении святых мощей – останков Феодосия Печерского, где летописец тоже говорит о себе от первого лица, и этот книжник – скорее всего, не наш герой. Безымянный новгородец мог попросту сократить текст созданного до Нестора свода. Впрочем, эти сказания мог вписать в «Повесть временных лет» какой-то книжник и после Нестора^[26]

⁸³ Повесть временных лет. Ч. 1. С. 209. В рассказе Новгородской первой летописи о Кие и его братьях этого фрагмента нет, зато во вступлении Кий одновременно назван и князем, и перевозчиком: «...в нашей странѣ званъ бысть градъ великимъ княземъ во имя Кия, его же нарицають тако перевозника быша». – Полное собрание русских летописей. Т. 3. С. 103, л. 1. Текст по Толстовскому списку (в Комиссионном, который выбран в издании в качестве основного, начало летописного текста утрачено). Это, по-видимому, поздняя вставка, а не фрагмент, предшествовавший тексту Нестора: во-первых, титул великий князь киевские правители, по-видимому, не носили до конца XI – начала XII века, то есть до времен Владимира Мономаха; во-вторых, высказывание неудачно скомпоновано на основе двух разных версий (о Кие-князе и о Кие-перевозчике): получается, что Кий словно одновременно был и правителем, и лодочником или паромщиком.

⁸⁴ Повесть временных лет. Ч. 1. С. 310.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Агиография – слово, производное от греческих агиос – святой и графо – пишу.

2.

И, к слову, совсем не случайно и явно в честь историка-летописца герой известного советского многосерийного фильма Алексея Коренева «Большая перемена» (1972–1973), снятого по сценарию Георгия Садовникова (основанному на его же повести «Иду к людям»), учитель истории в вечерней школе (роль Михаила Кононова) назван Нестором Петровичем. Режиссер и сценарист, несомненно, были уверены, что эта аллюзия будет замечена и понята зрителями.

3.

Архимандрит – высший титул настоятеля монастыря.

4.

Анналы (от латинского annus – год) – средневековые западноевропейские хроники в виде годовых записей, аналог древнерусских летописей.

5.

Ее переиздание: Присёлков М. Д. Нестор Летописец: Опыт историко-литературной характеристики. [2-е изд.] СПб., 2009.

6.

Преподобный – здесь: монах (в другом значении: монах, причисленный к лику святых). Игумен – титул настоятеля монастыря.

7.

В Древней Руси, в том числе при ведении летописных записей, счет велся от «сотворения мира», которое было приурочено к 5508 году до нашей эры. В переводе на современное летоисчисление это 862 год (6370 минус 5508).

8.

Патерик – отечник; от греческого pater – «отец» (подразумеваются святые отцы).

9.

Имеющий только (церковнославянский).

10.

Один такой список, правда поздний, сохранился. Следы вероятного присутствия имени Нестора имеются и в заглавии еще нескольких рукописей «Повести временных лет». Подробнее об этом рассказывается ниже, в главе пятой.

11.

Диакон (дьякон) – священнослужитель низшей степени, участвующий в богослужении и помогающий священнику, но сам богослужения не совершающий.

12.

Монастырь в Константинополе.

13.

Чернец (черноризец) – монах, называемый так за свои одеяния темного, обычно черного цвета (черные ризы).

14.

Это прозвание связано с греческим происхождением Максима.

15.

То есть страстности, ярости, гордыни, безумия отрицатель.

16.

Согласно «Повести временных лет», это произошло в 970 году. Но неясно, наделил ли Ярополк отец верховной властью над братьями Олегом и Владимиром. Вероятно, Ярополк был возведен на киевский престол как наместник отца.

17.

Так названа киевская Богородичная Десятинная церковь, первоначально бывшая митрополичьим кафедральным храмом – главным храмом Русской Церкви.

18.

Студийские киновии – общежительные монастыри – обители, в которых все черноризцы участвовали в выполнении тех или иных обязанностей; распорядок в этих монастырях определялся Студийским уставом.

19.

Например, современник Нестора Исакий (Исаакий) Печерник был в миру богатым купцом, а не принадлежал к аристократии.

20.

Их реальный прообраз – сословие брахманов, являющихся духовными наставниками среди индийцев, исповедующих индуизм.

21.

Этот летописный памятник принято называть Начальным сводом (реже – вторым Киево-Печерским, или сводом игумена Иоанна, или Ивана) и датировать примерно 1093–1095 годами.

22.

Жили.

23.

Были.

24.

«Русское» здесь употребляется, конечно, в значении «восточнославянское», а не в современном смысле.

25.

Казалось бы, было бы заманчиво установить, откуда родом был Нестор, отыскав в «Повести временных лет» диалектные особенности полянского либо какого-то иного ареала. Однако это затруднительно сделать: во-первых, летопись не сочинение одного автора, к тому же дошла до нас в довольно поздних списках; во-вторых, она написана на книжном церковнославянском языке, пусть и не чистом, а гибридном – с вкраплениями древнерусского; в-третьих – и это главное, – все данные о диалектных особенностях Киевской земли относятся к намного более позднему периоду, когда здесь формировался украинский язык.

26.

Какой – размышления об этом впереди.